

Михаил Нестеров

Спецкоманда №97

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128267
Спецкоманда №97: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-06010-3*

Аннотация

Много врагов у диверсанта из спецназа. Но главный и самый опасный – это предатель. Враг, окопавшийся в тылу, для которого закон не писан и который играет судьбами людей, словно фигурами на шахматной доске. Боевая диверсионная группа сержанта Сергея Климова стала детищем такого человека, генерала-карьериста из Кремлевской администрации. Он создал ее с одной целью: в нужный момент нанести удар, выполнить грязную работу чужими руками, а самому остаться в стороне. И вот наступило время Икс. Тучи над генералом сгустились. И отряд диверсантов уходит в рейд, чтобы замести следы его грязных игр. Но исход боя решает не приказ, а человеческий фактор...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	11
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	37
ГЛАВА 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Михаил Нестеров

Спецкоманда № 97

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

Много у тебя, брат-диверсант, врагов. Ранний рассвет и поздний закат – против тебя. Звонящий комар и ревущий вертолет – твои враги. Плохо тебе, когда солнце в глаза. Плохо, когда попал под луч прожектора. Плохо, когда тысячи электронных устройств эфир прослушивают, ловя твой хриплый шепот и срывающееся дыхание. Но бывает хуже. Бывает совсем плохо. Это когда появляется твой главный враг...

Виктор Суворов, «Аквариум»

Самое страшное, что есть в государстве, его специальных структурах – предательство.

Валентин Корабельников,
начальник Главного разведывательного управления

ПРОЛОГ

«КОРПОРАЦИЯ МОНСТРОВ»

Москва, Кремль, июль 1997 года

Свежий номер специализированного военного журнала «Вооружение и военная техника России» имел свой неповторимый, слегка терпкий, как у дорогого одеколона, запах. Казалось, на выходе из московской типографии пятитысячный тираж прошел процедуру ароматизации.

Генерал-полковник Александр Паршин оторвал руку от глянцевой обложки иллюстрированного издания и смотрел, как исчезает влажный след на крупном снимке человека, которого он словно заклеил своей ладонью.

Он еще раз прочел подзаголовок этого номера, подготовленного к Международному салону ПВО-1997: **MARKETING POLITIC CORRECTIONS OF RUSSIAN DEVELOPERS OF ANTI-AIRCRAFT DEFENCE.**¹ Отметил, что он неполон, в конце не хватало «и нестратегической противоракетной обороны». Хотя было бы слишком длинно для анонса одной из главных тем журнала, все же заключил Паршин, знавший этот вопрос назубок.

Александр Петрович Паршин был председателем совета директоров концерна противовоздушной обороны «Аметист-Протон» и помощником руководителя Администрации президента. Валерий Максаков, чье фото красовалось на обложке «ВВТ», в свою очередь работал помощником у Паршина. Пару месяцев назад он был «командирован» в концерн, где стал исполняющим обязанности гендиректора, отвечающим за заказы и поставки. И развил там бурную деятельность. Месяца не прошло, а он уже заявил своему протектору, что в ходе проверки выяснилось следующее: часть средств – около ста миллионов долларов – в кон-

¹ Коррективы маркетинговой политики российских производителей средств противовоздушной обороны (англ.).

церне использовали не по назначению, предположительно эти деньги были частично размещены на беспроцентных депозитах в зарубежных офшорных и отечественных банках либо просто исчезли. И вообще, по его словам, дела в концерне шли неважно: например, было провалено испытание модернизированной ракеты ЗРК – вообще беспрецедентный случай.

– Закрой глаза, – посоветовал ему Паршин. – Работай спокойно.

– Как это – работать спокойно? – удивился Максаков, когда на предприятии, претендующем на включение его в гособоронзаказ и получение лицензии на право самостоятельной внешнеэкономической деятельности, минуя «Рособоронэкспорт», происходят многомиллионные хищения.

– Чего тебе не хватает? – спросил Паршин. При назначении Максакова на эту должность перед ним поставили конкретные задачи: примирить враждующие группировки конструкторов и директоров предприятий и сформировать единую управленческую структуру концерна. Ему дословно было сказано: «Безболезненно интегрировать две научные школы разработчиков средств ПВО „Аметиста“ и „Протона“». – Чего тебе не хватает? – повторил генерал. – Куда ты полез?

Пауза, которую взял Максаков, была более чем выразительной. Какая-то, на взгляд Паршина, пролетарская решимость отпечаталась на его лице вечного комсомольца, когда он, понизив голос, сообщил:

– Я вынужден буду доложить о хищениях президенту.

Паршин покачал головой: «И откуда берутся такие хрестоматийные мудаки?.. Они очень опасны. Не уберешь такого, он сам тебя уберет – даже не осознавая этого». Появилось неодолимое желание предложить Максакову сменить имя. Хотя бы имя. Павлик – оно ему подходило.

Паршин задался вопросом: почему он раньше не разглядел в своем помощнике идеологических замашек? И почему он так осмелел, грозит президентом? И ведь может доложить обо всем Ельцину. Разумеется, были вещи, которые президенту знать было не положено. А тот, наоборот, не принимал решений и, к примеру, не подписывал законов и указов, не посоветовавшись со специалистами из своей Администрации.

Может, он одумается, подумал генерал, словно впервые разглядывая своего помощника и сравнивая его с белым карликом, неосторожно сблизившимся с черной дырой. Оботрется в новой должности, увязнет в заказах и поставках. Однако Паршин не был уверен ни в целом, ни в частности. Уволить Максакова без согласия Бориса Ельцина означало бросить вызов главе государства. И предъявить Максакову пока нечего, он «не проиграл ни одного матча». Но может выиграть, причем на поле соперника.

Те сто миллионов долларов, о которых сказал Максаков, никуда не исчезли, даже часть их, – они действительно были размещены на беспроцентных депозитах в зарубежных офшорных и отечественных банках. На имя Паршина. Всего за год. А этот идейный умник, стоящий перед генералом, мог быстрее генпрокурора установить сей факт. И Паршин сыграл почти в открытую – почти, потому что все еще держал в голове слегка обезболивающее слово: «Одумается».

– Дай мне два месяца.

– Хорошо, Александр Петрович. – Максаков в знак согласия даже склонил голову. – Два месяца.

Но слова своего не сдержал.

...Паршин перевернул несколько страниц и еще раз прочел выдержку из интервью Валерия Максакова корреспонденту «ВВТ»:

«Мы недовольны тем, как сегодня развивается экспорт средств ПВО. По этому направлению имеется серьезный провал. Прежде всего это результат недостаточно продуманной

маркетинговой политики, в которую концерном „Аметист-Протон“ будут внесены коррективы. Сложившуюся ситуацию надо менять скорейшим образом. Однако боюсь, что времени на это слишком мало».²

Последней фразой он словно предупреждал генерала, напоминал ему, что половина срока истекла, остался месяц. А за месяц можно горы свернуть! Да и прошедшие четыре недели не прошли впустую. Прежде всего Паршин как глава совета директоров начал готовить для Максакова что-то вроде инспекционных поездок по предприятиям «оборонки», отвечающих за производство различных вооружений. Например, в «Аметист-Протоне» их насчитывалось больше сорока, они специализировались на разработке и производстве средств противовоздушной и нестратегической противоракетной обороны: ЗРК большой, средней и малой дальности. Расположены заводы в основном в центральной части России, но были и «мелкие» – в Астрахани (едва ли не под боком 539-го узла связи), Калмыкии и Дагестане.

Действительно, месяц не прошел впустую, и Паршин был готов к тому, чтобы приступить к окончательной фазе готовящейся операции. Он не мог нанять «обычного» киллера, даже из опытных и проверенных агентов. «Павлик Морозов» мог оставить что-то важное, что указывало бы на причастность Паршина к хищениям из казны оборонного предприятия. Конечно, сразу его не тронут – вначале уберут из Кремля. Но не просто вышвырнут, а тихо выведут. И на лобном месте на него набросится свора из Генпрокуратуры.

Падет ли на него подозрение в устранении Максакова? Он его ставленник – значит, вряд ли. В этом случае проходил лишь один вариант устранения – несчастный случай. Однако подобные акции планируются месяцами, в них задействуются десятки людей, целые подразделения спецслужб, их агенты. Это как дирижировать симфоническим оркестром. Малейшая фальшь будет услышана знатоками. Но все это в масштабе подразделений спецслужб, утечка информации из которых была исключена; они много лет варились в закрытом котле засекреченных сведений, не испытывая жжения, и словосочетание «лишние сведения» были для них неведомы. Это «клеймо» на всю жизнь, оно есть, и никуда от него не денешься.

У Паршина были такие люди; их можно было назвать своими. Именно это и не устраивало генерала. В случае с Максаковым могли сгодиться лишь люди со стороны.

Средства противовоздушной обороны...

Валерий Максаков работал в этой области, а сам генерал курировал ее. Как, например, его коллеги по кремлевскому цеху: советники президента заняли прочные места в качестве председателей советов директоров в крупных компаниях: газовых, нефтяных, медиахолдингах... И до сей поры семьями не враждовали.

Напрасно Максаков думает, что за месяц стал специалистом в области anti-aircraft defence, сощурился опытный разведчик. «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет». Справедливо, заключил он, наглядно и показательно. И уже не мог отказаться от плана, рожденного в его склонной к аналитическому мышлению голове. Он словно встал на тропу вендетты. И нисколько не жалел молодого ставленника, его жену и двух дочерей. До высокой должности в кремлевской администрации генерал-полковник Паршин возглавлял самое мощное управление службы госбезопасности: контрразведку.

Открыв ящик стола, Паршин смахнул в него журнал. Через секретаря вызвал Максакова. Тот явился через час с четвертью.

– Ты говорил о провале испытаний модернизированной ракеты, – напомнил генерал гендиректору. Серьезной размолвки между ними словно и не бывало. Одинаково сдержанные, они вели деловой разговор. – Что удалось выяснить по этому поводу? Присаживайся.

² По материалам газеты «Известия».

– Специалисты из конструкторского бюро пришли к выводу, что виной всему некачественные комплектующие, – ответил Максаков, заняв место напротив шефа.

– А именно?

Гендиректор вынул из кармана записную книжку в лайковом переплете и перевернул несколько страниц:

– ЗПК-800К, – ответил он.

– Электроника? – уточнил Паршин, неотрывно глядя в серые глаза собеседника. Максаков, как всегда, был одет безупречно: фирменный серый костюм, белоснежная сорочка, галстук. От него исходил тонкий аромат французского одеколона.

– Да, в пусковых установках. Простенькая интегральная схема. Военпредов на них не хватает! – Максаков выругался. – Сорок заводов работают на концерн, Александр Петрович.

– Где штампуют эти схемы?

– В Астрахани. А платы идут из Элисты.

– Почему именно из Калмыкии?

– Там производство налажено, да и дешевле, чем в Екатеринбурге. На порядок дешевле. – Максаков убрал записную книжку в карман и закинул ногу за ногу.

– Вот и догонялись за дешевизной. Минимум полгода коту под хвост. Пролетели мимо денег. Что ты намерен делать?

– Заключить договора с Екатеринбургом.

– Значит, Калмыкия и Астрахань побоку? Сколько рабочих мест закроется, это ты посчитал? И вообще, кто тебе позволит? С такой политикой, друг, можешь не рассчитывать на гособоронзаказ. Расшифровать? Государственный оборонный заказ. И все это звучит слитно. О другой стороне вопроса тоже подумай: ты у *калмыцкого* завода отнимаешь солидный заказ и отдаешь его туда, где безработицей не пахнет. Пока что мы в Кремле находимся.

– Да, а с такой политикой нам не зенитные комплексы делать, а водосточные трубы клепать.

– Сначала разберись в причине брака. И вообще тебе не помешало бы ознакомиться с каждым твоим предприятием. Считай это твоей предвыборной кампанией. Поезди по заводам, пообщайся с директорами, рабочими. Узнай чаяния народа, – с усмешкой сказал генерал. – Знаешь, Валера, когда ты к людям с душой, то и они к тебе по-человечески. Начни с Сибири, а закончи южными регионами: Дагестан, Калмыкия, Астрахань. И домой. Ну что, отдавать команду на составление графика?

Максаков развел руками: «А куда деваться?»

Паршин улыбнулся: «Вот ты и попался, друг. Вот и попался».

Через две недели к рабочим поездкам Максакова по предприятиям «оборонки» все было готово. Паршин сам позаботился о его надежной охране. Знал точный маршрут, график передвижения и прочее, что было делом приоритетным среди служб охраны. В каких точках остановится транспорт, кто и когда будет встречать. А Максаков безукоризненно придерживался протоколов, рекомендаций сотрудников Федеральной службы охраны, когда выезжал с ними в командировки. Для него это было так же естественно, как сесть за стол и расстегнуть пуговицу пиджака, вставая – застегнуть.

* * *

*Северный Дагестан, поселок Пионерский,
28 августа 1997 года, четверг, месяц спустя*

Мелкий, не по-летнему холодный дождь, зарядивший с утра, разогнал плотную туманную дымку над морем и наводнил грустными фортепианными звуками окрестности. Лейте-

нант Олег Колчин слышал эту печальную мелодию дождя. Она просачивалась сквозь намокшую форму, впитывалась в кожу, проникала в душу, вызывая в груди странное ощущение близости Рождества.

Мелкие дождевые капли на лбу офицера походили на выступившую испарину, дрожь, вызванная бессонницей и слабостью, была похожа на озноб.

«Колотит...»

Олег смотрел на безжизненно повисшие лопасти вертолета, на суету вокруг него, на распахнутый, зияющий черной пастью люк, который поглотил шесть тел погибших спецназовцев... Они, непохожие на тех, которых Олег знал, будто состарились за миг до смерти. Этот миг сожрал ту долгую жизнь, что им уже не прожить. Кто-то свыше пообещал им долгое и счастливое будущее, обманул и забрал назад. Миг, за который пролетели перед их глазами обман и обещания...

Что-то подсказывало Олегу, что его мысли близки к истине: *спецназовцев обманули, накормив ядовитыми обещаниями.*

«Подснежники никогда не цветут под Новый год...» Это на призрачную музыку ложились странные, противоречивые слова, рожденные то ли в воспаленном мозгу, то ли в саднящей душе молодого лейтенанта.

Кто-то тронул его за плечо. Олег обернулся. Старший лейтенант Владимир Тульчинский. Черная форма, черная пилотка с желтоватой каймой и намокшим «крабом». Старлей с упрямым взглядом и суровыми складками вокруг рта протянул лейтенанту плоскую фляжку: «Глотни». И, разряжая обстановку, с напускным равнодушием заметил:

– «Груз-200-У».

– Что?

– «Учебный», – дешифровал моряк. – В нашем центре это первый несчастный случай. И вообще первый. Бывало, что курсанты руки, ноги ломали, один получил компрессионный перелом позвоночника... – Тульчинский помолчал, также не сводя глаз с вертолета. – Мне рассказывали: один грибник попал в медвежий капкан. Не смог высвободить ногу. Его облепили комары. Когда его нашел охотник, бедняга был похож на освежеванного кролика. Охотник пристрелил его – из жалости. Вот только не знаю, байка это или было на самом деле.

– К чему это? – не понял Олег, возвращая товарищу фляжку.

Старший лейтенант не ответил. А про себя подумал, что байка эта – в тему. Погибших курсантов центра спецподготовки ГРУ «Дельта» он сравнил с бедолагой-грибником. Был и охотник...

Тульчинский снова сделал «сбивку», стряхивая с пилотки влагу и глядя на бескрайние поля дождевых облаков:

– Как и обещали, погода со спрыснениями. Переменчивая, мать их!

К отлету «вертушки» все было готово. Экипаж из трех человек занял места, группа сопровождающих офицеров из центра слушала последние наставления начальника военноморской базы.

– Почему ты отказался лететь сопровождающим? – спросил Колчин.

– Не спрашивай, – отмахнулся Тульчинский. – Зачем мне это? Всю дорогу смотреть на брезент и угадывать под ним мертвые лица? А потом выгружать, перегружать, подписывать акты... Мне хватило того, что я подбирал их на борт катера. Нет, это не по мне: запор, газы, геморрой в жопе. Как в страшном кино. Сейчас я думаю о другом: что будет с центром. – Старший лейтенант покачал головой. – Придется искать другую работу.

– Тебе не кажется, что все это напоминает сеанс магии?

– Чего?

Олег посмотрел товарищу в глаза.

– Я видел их лица. Такое чувство, что они умерли во сне. Но видели не кошмар, а что-то безоблачное. И вот я спрашиваю себя насчет последующего разоблачения этого «волшебства».

Старлей сморщился:

– Олег, это тебя кошмарит. Не забивай себе голову. Никто не знает, что чувствует человек, умирая от кислородного отравления. Может, они действительно увидели что-то райское, – с легким сарказмом и долей раздражения сказал Тульчинский. – Ты у нас новичок, Олег, а я, извини меня, еще в учебке наработал с аквалангом больше ста часов, общий подводный стаж перевалил за двести. И то до конца не знаю, что может произойти под водой: с самим собой или с аппаратом. Порой чертовщина мерещится. По мне, так лучше совершать прыжки с парашютом, чем погружаться под воду.

Оба офицера отступили, придерживая головные уборы. Лопасты «восьмерки», набирая обороты, погнали на провожающих валы мокрой пыли. Эта яростная взвесь ударяла в тела с частотой и силой отбойного молотка. Когда вертолет поднялся и резко взял в сторону, напор ветра ослабел, и стало непереносимо холодно.

Старший лейтенант зябко поежился:

– Нужно сходить в баню. Пропариться.

Час назад он бросил в раскаленную добела топку противогаз. Тот вспыхнул и моментально съежился. А за стеклами словно блеснули глаза самого Тульчинского.

* * *

Москва, 27 сентября 1997 года, суббота

В этот теплый осенний день Евгений Дудников подогнал машину к подъезду своего дома. Его уже поджидали две женщины. Лет сорока пяти грузноватая дама, одетая по случаю поездки на дачу в обтягивающее трико и футболку, была тещей Евгения. Ее будущая копия также нацепила коротенькую маечку, открывающую пупок, светлые брюки и белоснежные кроссовки. На участке она будет обходить грядки стороной, ежеминутно стряхивать невидимую пыль с одежды, очищать грязь с модной обуви и грызть яблоки. Причем, начал заранее злиться Дудников, очень громко, с каким-то клинико-стоматологическим хрустом. Потом ее начнет дико пучить. Мамаша, как всегда, наставит дочь: мол, чтобы не пучило, яблоки нужно жрать без кожуры.

Короче, бабье лето.

Дудников вышел и открыл багажник машины – шестой модели «Жигулей» бежевого цвета, наследие покойного тестя. Помог уложить корзинки и пакеты. Распахнул перед тещей заднюю дверцу. Под глазом вдруг задергался нервный тик. Теща же подумала, что зять подмигнул ей. И она ответила ему таким же подергиванием красноватого века.

«Господи!..» – ужаснулся Дудников.

Он работал лаборантом в закрытом учреждении «почтовый ящик Я-17», или НИИ-17, относящемся к Главному разведывательному управлению. Как ни странно, режим закрытого учреждения его устраивал, он знал, что за вполне приемлемую зарплату не переработает ни минуты. Пришел в восемь, ушел в пять. Два выходных в неделю.

Сейчас он ждал реакции своей тещи, которая усаживалась в машину. И пока ничего не замечала. Ну давай, жирная морда, осмотришься, сверлил он екатерининский профиль женщины. И она словно проснулась: провела рукой по новеньким велюровым чехлам, глянула под ноги на пушистые коврики...

Потом округлила на зятя глаза: «Как? Откуда? Не может быть!»

А он даже не усмехнулся. Сел на свое место водителя и положил руль на «семерочную» баранку. Ткнул в клавишу «Панасоника», а не задрипанного «Дона». Из мощных колонок японской техники неестественно чисто раздался мистический голос Милен Фармер. Но и это еще не все. Ни жена, ни теща не обратили, конечно же, внимания на новенькую резину «Мишлен». Как и положено, от их взора скрывалась сигнализация «Вайпер». Но она «аукнется», когда он заведет машину на «земельный» участок и достанет пульт...

Однако уже на выезде из города настроение лаборанта выпало в осадок. Жена, сидящая рядом, предъявила претензии. Почему он растратил премию «на всякое говно», когда у нее нет «элементарного джинсового костюма и осеннего пальта». Она так и сказала: осеннего пальта. Выходит, у нее нет и весеннего...

Будет. С легальной премии. А левую он вправе расходовать по своему усмотрению. В значке еще пятьсот долларов. Но в это прекрасное осеннее утро «зелень» не радовала.

Дудников и раньше «рысачил» на дорогах, а сейчас пер по трассе с небывалой для «шахи» скоростью: за сто сорок. В радиаторе закипал тосол, а в душе водителя – обида. Вчера он целый вечер провел в автосервисе, на него – в кои то веки раз – работала целая бригада. Он ощутил себя гонщиком «Формулы-1». Двое механиков меняли резину, двое высушили из жигулевского болида свои зады, укладывая коврики и ставя на место кресла, обтянутые велюром. Еще один механик держал наготове баранку, чтобы вручить ее пилоту команды «НИИ-17», когда тот займет свое место.

Он готовил сюрприз...

– У тебя «Жигули», – напомнила жена, машинально тронув ремень безопасности. – Вот и ездь как на «Жигулях».

«Пилот» промолчал.

Уже в течение пары минут Евгений не мог перестроиться в левый ряд, то сбрасывая скорость, то притапливая педаль газа: по нему, как шмели, мчались иномарки. Наконец такая возможность представилась. Дудников на высокой скорости догнал «Бычок», въехавший на правую полосу с обочины, и включил указатель левого поворота. Но за несколько секунд до этого юркий «Фольксваген», следующий позади, начал обгонять «шестерку». В панорамное зеркальце Дудников увидел яркий свет сигналящей ему иномарки. Она двигалась быстрее «Жигулей». Но и Дудников развил большую скорость. И тут он с ужасом увидел вспыхнувшие красные огни «Бычка»: грузовая машина резко затормозила. А он не успел вдавить в пол педаль тормоза. Дудников круто вывернул баранку, но было слишком поздно: «Жигули» лаборанта на огромной скорости вмазались в грузовик...

Двое парней в «Фольксвагене» переглянулись: дело сделано. Почти. Водитель немецкой машины развернулся и поспешил к месту аварии, чтобы помочь работникам ГАИ составить «правильную» картину происшествия.

Водитель «Бычка», получивший сильные ушибы, на вопрос товарищей «нужна ли ему помощь», ответил:

– Нет, не нужна.

ГЛАВА 1

ПЕРЕИЗБЫТОК ПЛАНОВ

*Москва, штаб-квартира
Главного разведывательного управления,
16 июня 2003 года, понедельник*

Полковнику Михаилу Артемову стало жутковато. У него, что называется, глаза полезли на лоб. То, что он увидел, работая над документами и сопоставляя разрозненные факты, походило на мистику. Словно три звезды на небе вдруг устремились навстречу друг другу и слились в одну, чтобы свести с ума астрономов. А две тысячи лет назад – волхвов. Не может быть, сказал полковник, не веря своим глазам. И в них отразился «настольный вертеп»: десятки документов, карандаши, ручки, сигареты, пепельница, фарфоровая кружка с остывшим кофе, стоящая на «мышинном» коврике, компьютерные дискеты, диктофон. Бардак, с одной стороны, а с другой – нормальная рабочая обстановка; даже пепел, падающий с вечно дешевой сигареты на стол, был частью этой атмосферы – только на сторонний взгляд кажущейся суетливой. «На моем „верстаке“ не хватает доски, рубанка и журнала „Сделай сам“, – подметил Артемов.

– Светлана Николаевна, – позвал он свою секретаршу, – зайди.

В кабинет шефа вошла полноватая, лет сорока смуглолицая женщина. На ней была одежда «для среднего уровня»: легкий трикотажный джемпер красного цвета с блестками, черная юбка. Цена тряпок – божеская, название – заоблачное: прет-а-порте. По словам секретарши, «шмотки на основе идеальной модели, признанной наиболее жизнеспособной». Словами начальника – прёт-и-прёт.

Светлана Николаевна работала секретарем полковника ГРУ и шутиливо именovala себя его референтом. Что, впрочем, походило на истину. Не далее как 13 июня, в пятницу – день по американским меркам «черный», начальник и подчиненная (в звании капитана инженерных войск) распили втихаря бутылочку красного вина. Ровно двадцать лет назад Светлана Николаевна перешагнула порог центрального здания военной разведки, которой в ту пору руководил генерал армии Петр Ивашутин. Она частенько вспоминала его и называла «большим барином». Его бабка была полькой, и сам Ивашутин неплохо разговаривал по-польски. Артемов произнес тост, не преминув скаламбурить: «Сухой, как хлеб из тостера». Короче, он пожелал секретарше не долгих лет жизни и здоровья, а еще столько же лет плодотворной работы на военную разведку. «Ну да, – парировала помощница, – тогда меня точно похоронят на аллее героев».

– Звали, шеф? – произнесла она привычную фразу.

– Да, звал. – Артемов оторвался от бумаг и посмотрел в темные глаза секретарши. – Мне нужен общий план местности юга Калмыкии и севера Дагестана. Отдельно: мыс Кумой – остров Черненький и район поселка Чернопесчаный.

– Что за настроение, шеф? – усмехнулась помощница. – Или вы просто решили загрузить меня работой на двадцать первом году моей службы?

– Если тебя не загружать, ты начнешь работать на себя.

– Вы причислили меня к агентам?

– Черт тебя знает. Может, тебе доплачивают за то, чтобы никто не знал, на кого ты работаешь.

– Куда точнее...

В кабинете полковника постоянно звучало радио. По пути на работу он слушал «оперативное» «Эхо Москвы», на рабочем месте – более спокойное и взвешенное «Радио России». Сейчас оно вещало о том, что «Индия отказывается принимать на вооружение российские корабли стоимостью около 900 миллионов долларов; что итальянское правительство готово заплатить каждому аборигену, который не захочет жить в окрестностях Везувия».

– Хорошо они там устроились, – Артемов кивнул на радио.

– Завидуете, шеф?

– Белой завистью, – отозвался он. – Присыпанной черным вулканическим пеплом. – Полковник вздохнул: «Кто бы мне заплатил за то, чтобы переехать подальше от гейзера, который с завидно-вонючим постоянством бьет из канализационного люка».

Михаил Артемов проживал на углу Декабрьской и 2-го Звенигородского переулка. Если кто-то спрашивал, как лучше подъехать или подойти к его дому, Артемов давал единственный ориентир: «Армянское кладбище знаете? Я живу напротив». Многих это отпугивало.

– Вам принести «нормальные» карты или запросить электронные?

– О господи! Я бы давно достал и те и другие. Давай, Светлана Николаевна, в темпе рок-н-ролла. И принеси мне кофе. Хотя... нет, – полковник запнулся, вспомнив про рубанок, – я *сделаю сам*. А ты топай в картографную.

Артемов привык к «суррогатному» растворимому кофе, который поглощал в огромных количествах, полагая, что вреда от него никакого.

Прихватив со стола кружку, он вышел в приемную и налил из термоса кипятку. Чуть не прослушал новости спорта. «Накануне победного для команды финального матча Кубка России по футболу главный тренер московского „Спартака“ Олег Романцев восстал против своих начальников». Артемов даже покосился на радио. И справедливо подметил: «Восстание „Спартака“. Это уже история».

В основном работа военного разведчика сводилась к тому, чтобы наблюдать и анализировать. Нередко – выезжая «на места». В данное время полковник Артемов работал над делом, которое ему было поручено вести непосредственно начальником военной разведки генералом армии Ленцем. По его словам, оно «соскочило» с чеченского счета, а расследование дела Главной военной прокуратурой «зависло».

– Соскочило и зависло? – на грани риска переспросил полковник начальника ГРУ. – Это точно ко мне?

И получил утвердительный ответ:

– Да. Ищи разницу между трамваем и иголкой.

Эту разницу Михаил Васильевич знал еще с детства: на трамвай сначала заскочишь, а потом сядешь, а на иголку – сядешь и уже потом вскочишь. Этакое «веселенькое» дело досталось Артемову. Вот только игла в нем была закавычена и «скособочена» курсивом: *«17 сентября 2001-го «иглу» по «Ми-8» с комиссией Министерства обороны, накопавшей разные гадости на высший комсостав ОГВ, грамотно пустили именно из глубины расположения федеральных сил»*.³ То есть кто-то отработал по своим. Факт установленный, но недоказанный.

Прежде всего Артемов начал искать схожие случаи, и они после его запроса полезли, как пьяные на прохожих. Оказалось, что за две чеченские кампании федеральные силы потеряли 75 боевых самолетов и вертолетов, 14 из них – в 2002 году. Два авиаполка – легко подсчитал Артемов. Короче, сели на «иглу» крепко. Для консультаций полковник пригласил к себе офицера разведки ПВО. Тот сказал со знанием «железа»: «Стрелы» и «иглы» для вертолетов сродни тому лому, против которого нет приема». Поведал, что «теоретиче-

³ Здесь и далее в этой главе цитаты взяты из статьи Владимира Воронова, «Собеседник», 2002, № 46.

скую безопасность полетов повышает соблюдение железных правил, писанных кровью еще в Афганистане: никаких одиночных полетов, а уж каждый транспортный борт вообще должен быть прикрыт минимум парой ударных „Ми-24“. На деле же командованию глубоко плевать на эти правила: пилотов посылают куда угодно, когда угодно и часто без всякого сопровождения». И привел примеры. «Курск» – набитый народом, «Ми-26» (который еще называют «коровой») летел без всякого сопровождения, мало того, у него вообще не было тепловых ловушек, потому как пиропатронов (ППИ-2) не было ни на одном из авиаскладов всего Северного Кавказа!» Без них же вылетел и был сбит «иглой» 31 августа возле села Месхеты «Ми-24». 3 ноября «игла» поразила «Ми-8» с высокопоставленными офицерами 58-й армии – ни сопровождения, ни пиропатронов. И прочее в том же духе.

Михаил Артемов искал аналоги, но везде наткнулся на «чеченский след»: вертолеты сбивались либо стрелковым оружием (в основном в первую кампанию), либо переносными зенитно-ракетными комплексами. Военная разведка располагала данными, что боевики обладают (данные на сентябрь 2002 года) комплектом свыше ста ПЗРК, их, однако, опроверг директор ФСБ Патрушев на совещании в Махачкале: «Не исключено, что у боевиков есть ПЗРК, но их единицы». И тут же сшибли еще три вертолета, а возле Галашек взято 12 трофейных зенитно-ракетных комплексов.

Откуда они у боевиков, вопрос почти закрытый: «стрелы» и «иглы» были на складах в Грузии, Азербайджане и Армении; однако из Армении в Чечню ничего не поступало – факт также установленный.

Артемов не обратил бы внимания на «скрытые» факты, если бы не искал «свой» след. И он начал вырисовываться все четче.

Освободив на своем «верстаке» место, полковник разложил карту и первым делом нашел на ней закрытый городок под названием Пионерский. Небольшая бухта надежно защищала его от штормов, но, как было видно, не спасала от песчаных бурь, зарождающихся в Ногайской степи. Потом отметил место катастрофы двух вертолетов. Более точно – на подробной карте района поселка Чернопесчаный. Еще раз перечитал сводки шестигодичной давности.

«В 09.12 25 августа 1997 года при выполнении полета исчезли с экранов радаров вертолет «Ми-8» ВВ МВД России и вертолет огневой поддержки «Ми-24» с тремя членами экипажа на борту (боевая машина вылетела для сопровождения вертолета «Ми-8»), следовавшие по маршруту Махачкала – Каспийский – Астрахань. На подлете к поселку Чернопесчаный (Калмыкия) с ними была утрачена связь. Во время последнего радиосеанса командир экипажей не указали точных координат местонахождения вертолетов, в поисках задействованы около пятисот военнослужащих и 10 летательных аппаратов».

«В 07.30 26 августа 1997 года в 10 км от поселка Чернопесчаный, Калмыкия, были обнаружены останки вертолетов „Ми-8“ и „Ми-24“. Находившиеся на борту „Ми-8“ 12 человек погибли. Жертвами катастрофы стали исполняющий обязанности генерального директора оборонного холдинга „Аметист-Протон“ Валерий Макасов, главный конструктор „Аметиста“ Юрий Аненков, первый заместитель директора „Рособоронэкспорта“ Геннадий Кисловский, начальник Главного управления МВД РФ по Южному федеральному округу генерал-лейтенант милиции Василий Шестопалов, восемь офицеров милиции и службы безопасности оборонного холдинга, а также шесть членов экипажей. Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело

по статьям „терроризм“ и „умышленное убийство“, поскольку при осмотре местности были обнаружены части снаряда ПЗРК „игла“, а первоначальное обследование тел погибших показало, что они имеют не только следы ожогов и минно-осколочные ранения, но и огнестрельные».⁴

Артемов снова вернулся к Пионерскому – там дислоцировался военно-морской центр спецподготовки «Дельта», мысленно перенесся на шесть лет назад. Выбрал из кипы бумаг пожелтевшую телефонограмму.

*Начальнику 5-го управления ГРУ,
Генерал-полковнику...*

...27 августа 1997 года в 12.20 при выполнении практических занятий на большой глубине (до 70 метров) с дыхательными комбинированными аппаратами «ИДА-72» погибла группа курсантов в составе шести человек.

По предварительным данным, курсанты получили кислородное отравление, вовремя не переключив аппараты на газовую смесь. Осмотр дыхательных аппаратов показал их полную исправность: в частности, отдельная подача газовой смеси и кислорода из баллонов функционирует нормально, автоматические электронные устройства для подачи кислорода, дыхательные мешки и химические поглотители исправны...

*Командир в/ч 12808
капитан 2-го ранга ПАНИКЯН.*

Выдержка из докладной записки капитана Виталия Андреева из особого отдела:

«...Возможно, причиной гибели курсантов стала утомляемость: с 22 по 26 августа группа находилась в учебном рейде (район: мыс Кумой – остров Черненький), а на следующий день – 27 августа – была привлечена к практическим занятиям...»

Еще один документ.

ДИРЕКТИВА

*Для служебного пользования
Министерство обороны Российской Федерации*

Определить специалиста по оспариванию выводов следствия по делу №... возбужденного 28 августа 1997 года по статье... поскольку велика вероятность того, что родственники погибших, не удовлетворенные результатами следствия, могут воспользоваться услугами адвокатов. К этому могут относиться:

– то, что допущенные ошибки при организации спасательных мероприятий на месте трагедии не имели никакого значения, так как курсанты погибли через несколько минут после погружения;

– то, что пренебрежение правилами техники безопасности при работе с дыхательными аппаратами замкнутого цикла не являются прямыми ошибками руководства центра спецподготовки (в/ч 12808), а ошибками самих курсантов, пренебрегших требованиями инструкторов;

⁴ Сводки составлены по материалам еженедельника «Независимое военное обозрение».

– то, что в центре не практикуется обучений в сокращенные – «наспех» – сроки (выборочно представить программу обучения), а сам центр по сути является подразделением особого назначения.

Вышеперечисленное отразить по мере необходимости в открытых материалах следствия.

Рекомендовать Главной военной прокуратуре закрыть уголовное дело по причине смерти «виновных». Сделать все возможное, чтобы обвинения в адрес погибших курсантов спеццентра были предельно сбалансированными.

И что-то вроде сопроводительной записки к этому предписанию. Она была написана от руки и скреплялась с основным документом верхним левым углом. Из нее следовало, что директива была передана военной разведке офицером группы референтов министра обороны полковником П. А. Олешиним. Артемов вспомнил этого фамильярного полковника с отталкивающей внешностью и белорусским выговором. В ту пору Михаил Васильевич был в звании подполковника, тем не менее Олешин, имеющий на звезду больше, развязно называл едва знакомого ему офицера ГРУ по имени и панибратски похлопывал по плечу. Впрочем, недолго: Артемов быстро поставил штабного на место.

«По большому счету писарь в масштабе Минобороны, ефрейтор с тремя „средними“ звездами. Не оттого ли у военачальников такая топорная речь? – призадумался Артемов. – Что не сами они пишут доклады, а их пресс-секретари и советники». На Олешина он привычно набросал в голове краткую, но емкую характеристику: выправка подхалима, взгляд рогатого мужа, плешь, прикрытая клочком волос, – потомственного канцеляриста.

Артемову директива Минобороны не показалась странной – он видел и не такие диковинные документы. Он не мог согласиться с тем, что трагедия произошла в результате пренебрежения правилами техники безопасности при работе с дыхательными аппаратами замкнутого цикла. Если бы погиб один курсант, то с этим можно было согласиться. Если бы полковника не «осенило» во время поиска «своего» следа, то справедливо было винить во всем именно инструкторов военно-морской базы, которые не уделили должного внимания такому важному моменту, как переключение аппаратов с кислорода на газовую смесь.

Исходя из материалов, имеющих у полковника Артемова, Главная военная прокуратура строго придерживалась директивы Минобороны: дело было закрыто. Адвокаты родственников погибших курсантов, видимо, имели контакты со «специалистом по оспариванию выводов следствия». «Процесс без эксцессов», – заключил военный разведчик.

Ознакомившись с выводами судебных медиков, оперативный офицер навестил эксперта из закрытого НИИ-17. Затем поднял списки курсантов, проходивших подготовку в «Дельте» в 1997 году. Выбрал из них двух москвичей, узнал их адреса и вызвал в «Аквариум», заказав пропуска на завтра. Наконец, повинаясь интуиции и дабы не пропустить ни одной мелочи, снова потревожил своим вниманием секретаршу. За двадцать лет работы она накопила связи не только в стенах штаб-квартиры ГРУ, но и далеко за его пределами.

– Светлана Николаевна, я попрошу тебя задержаться. Запроси в информационном центре или еще где-нибудь, не знаю, милицейские сводки происшествий в районе теракта – с 24 по 26 августа 1997 года. Все тот же район поселка Чернопесчаный.

– Нет, шеф, настроение сегодня у вас никудышное.

Всего через полчаса на стол Артемова легла сводка за 30 августа, но в ней фигурировало все то же роковое число.

«Найдены пропавшие 25 августа два охотника – Т. Хулхутов и К. Бурулов из калмыцкого поселка Цаган Хол. Их тела были найдены на реке Малая Кривуша. У Хулхутова сломаны шейные позвонки, у Бурулова огнестрельное ранение головы предположительно автоматной пулей...»

* * *

17 июня, вторник

Начальник Главного разведывательного управления принял подчиненного немедленно. Он полагал, что полковник нарыл что-то существенное, что пролило бы свет на катастрофу вертолета «Ми-8» с комиссией Минобороны на борту, однако слушал выкладки и читал тот или иной документ совсем по другому делу – 1997 года. Генерал армии внимательно изучил хронологию событий, которую полковник Артемов выписал на листе бумаги столбцом:

24–26 августа – группа курсантов ВМЦ «Дельта» находится в учебном рейде.

25 августа – исчезают с экранов радаров два вертолета.

26 августа – обнаруживают их останки.

27 августа – погибает группа курсантов.

28 августа – возбуждено уголовное дело по факту ЧП в «Дельте».

29 августа – в центральном аппарате МО выходит директива с рекомендациями Главной военной прокуратуре закрыть дело.

30 августа – найдены тела охотников, считавшихся пропавшими с 25 августа.

Генерал Ленц, рассматривая карту, которую Артемов повесил на специальный стенд, справа от рабочего стола, покивал:

– Курсанты находились в районе обстрела вертолетов... Как и охотники. Они стали свидетелями теракта. Охотников убрали на месте. А курсантов в спецподразделении? Кто? Кто-то из центра «Дельта»?

Артемов не стал спорить – пока.

– Да, их устранили в центре. И человек, который стоял за терактом, проходил службу в «Дельте».

– И был напрямую связан с диверсионной группой... Интересный ход. Почему в таком случае курсанты не сообщили о том, что видели? Почему молчали? И что я могу выжать из твоего молчания? – Генерал подмигнул. – Тестируешь начальство?

«Хор-рошее у него настроение, – заметил Артемов. – Пора его подпортить».

Вообще начальник ГРУ обладал крутым норовом, мог хватить по столу крепким кулаком и послать так далеко, что возвращаться придется очень долго. Многие все еще находились в пути. Однако Артемов умел располагать к себе людей и не боялся переступить через опасную грань – совсем чуть-чуть. К тому же был не слепой и видел, что Ленц симпатизирует ему и, кто знает, может быть, видит в нем замначальника оперативного управления.

– Вы задали четыре вопроса, Игорь Александрович. Мне начинать с конца или?..

– С середины.

– Значит, «почему курсанты молчали»... – Артемов рискованно надел маску умиления, которая заодно вопрошала: «Игорь Александрович, скажите это сами, а?»

Его двусмысленная мимика нашла отражение в сдвинутых бровях 57-летнего генерала армии. Но вот они разошлись и взметнулись, как две мохнатые гусеницы-синхронистки, чтобы через мгновение вызвать волнение в его голубых глазах.

– Погоди... Ты хочешь сказать, что это курсанты совершили теракт?

– Именно.

– Ничего себе – курсанты! Интересно, что бы получилось из них на выходе... Давай дальше.

И Артемов, воодушевленный расследованием шестигодичного «глухаря», «давал».

– Из отчетов и рапортов, с которыми я ознакомился, следует, что курсанты «Дельты» вышли в рейд, вооруженные лишь легким стрелковым оружием: автоматы «АКС» с приборами бесшумной и беспламенной стрельбы, пистолеты «АПБ» – автоматические «стечкины» с глушителем. Поработав с картами, я нашел вот что: Кривуша и Малая Кривуша, у истоков которой и произошел теракт, ведут к одному месту: мысу Кумой, в районе которого проходили учения одной из групп военно-морской базы. И там же, согласно вводной, для них было приготовлено средство передвижения до острова Черненький: надувная каркасная лодка с мотором. Лодка с мотором, понимаете, Игорь Александрович? Шестеро крепких курсантов могли перенести ее до Кривуши – это около пяти километров, пройти по ней до Малой Кривуши, а там и до места диверсии рукой подать.

Так думал Артемов, и начальник военной разведки полагал, что тот не ошибается. Его версия не была смелой, а вполне реальной. Да и с внутренним чутьем не поспоришь, мурашки не сгонишь; они завладели руками начальника управления, подняли на них волосы и все настойчивее подбирались к затылку: по двум российским вертолетам отработали свои. Собственно, Артемов нашел то, что искал: аналогичный случай.

– Полагаю, где-то в районе поселка Чернопесчаный, – полковник очертил место на карте, – они взяли из схрона ПЗРК. Хотя не исключено, что схрон находился на мысе Кумой. Диверсанты, обстреляв вертолеты, добили оставшихся в живых. Бросили оружие и покинули место диверсии обратным маршрутом. По пути убрали случайных свидетелей – охотников. Переправились на Черненький, выполнили учебное задание и в означенное время возвратились в расположение военно-морской базы.

Артемов не мог предположить, что очередное дело снова приведет его в учебное подразделение. Сколько прошло с тех пор, когда он вытаскивал «крота», чеченского агента, классически внедрившегося в центр подготовки спецназа Приволжско-Уральского военного округа (ПУрВО)? Каких-то два месяца. Точно два месяца – основные события пришились на 14–15 апреля.⁵ Дело было сложным, последствия его – трагическими. Артемов взвалил на себя ответственность за принятие ключевых решений, не связанных напрямую с его оперативно-розыскной деятельностью. Он сетовал на то, что возглавлял не командный пункт. Каким-то образом он воздействовал на свои мысли, и они воплощались в жизнь, щедро закрашенную черно-белыми полосами, – в основном против его желания. Тогда он, смертельно уставший, безрадостно думал, что этот дар станет, наверное, его визитной карточкой: «Слышали про полковника Артемова? Так вот, это сложное и ответственное дело нельзя поручать ему ни в коем случае».

И вот – опять двадцать пять. Снова учебный центр, но дислоцированный на военно-морской базе.

– Дальше, – поторопил Артемова генерал.

– На курсантов не пало подозрение лишь потому, что они – курсанты. Думаю, от этого определения следствие отмахивалось как от навозной мухи – если вообще обратили на это внимание. Курсант для большинства – это всегда обучающийся, *будущий* солдат. Но никто не вник в специфику обучения в военно-морском центре. Там проходят курс уже состоявшиеся спецназовцы, офицеры, сержанты после срочной службы, поучаствовавшие в спецоперациях на Северном Кавказе.

– Это предположения. Более или менее логичные. Нам нужна рабочая гипотеза. У тебя есть доказательства?

⁵ Роман «Если враг не сдается...» из серии «Спецназ ГРУ» Михаила Нестерова.

– Доказательства стоят за дверью, Игорь Александрович. Я вызвал двух бывших курсантов – выпуска 97-го года. Кстати, курс «провалился»: в сентябре того же года – ровно через месяц после ЧП – спеццентр фактически перестал существовать. Точнее, из него сделали обычную учебку морской пехоты. Передали один из трех малых десантных кораблей.⁶ Разумеется, поставили крест на таких дисциплинах, как водолазная подготовка, не говоря уже о такой специфической, как выход из подводной лодки через торпедные аппараты. И лишь в мае этого года «Дельте» вернули прежние приоритеты.

– Как ты думаешь, а почему на «Дельте» в 97-м году поставили крест? – спросил генерал, занявший пост начальника военной разведки именно в 97-м. В какой-то степени и под его напором произошло возрождение «Дельты», а детали ее опалы «задели» генерала армии лишь информативной частью – как отстреливающимися болванками ракеты с разделяющимися ядерными боеголовками.

На вопрос шефа Артемов пожал плечами: «И так ясно».

– Чтобы окончательно замять дело, – ответил он. – Стараниями чиновников из Минобороны скандала удалось избежать, дело развалилось. А чтобы его окончательно замять, развалили и саму военно-морскую базу. Искать ответственного за ЧП – себе дороже. – Михаил Васильевич выдержал многозначительную паузу: «Один ответственный потянет за собой другого, полетят звезды, покатаются головы». Ведь если переиначить Экзюпери, то получится следующее: если под строем виновных офицеров расстелить скатерть, то на нее, кроме звезд, ничего не упадет.

Но все это в рамках чрезвычайного происшествия, ведь в Минобороны не предполагали, что ЧП – лишь финал, а вот где стартовая черта и кто выступал стартером... Но вот именно сейчас Артемов мог позволить себе усомниться: поставить крест на специализированном центре – с его высокопрофессиональными кадрами и даже традициями, оборудованием, потребностью в специалистах экстра-класса, выпускающихся центром, – не круто ли? Не круто, если вспомнить «новейшую военную историю России»: закрывались оборонные предприятия, расформировывались части спецназа и прочее.

– Ты уже беседовал с бывшими курсантами? – спросил генерал, занимая место за рабочим столом. – Что интересного они тебе поведали? И почему не вызвал офицеров «Дельты»?

– В свое время на офицеров могли надавить. Объективную, хотя и не полную информацию можно получить от рядовых.

– Так ты беседовал с ними? – повторился генерал.

– Нет, не беседовал. Я уравнил наши шансы.

Ленц рассмеялся.

– Садись в мое кресло, – полушутливо предложил он, похлопав по подлокотнику даже не кресла, а мягкого стула, на котором сидел. – А я сбегая позову их.

Вообще Михаил Артемов, занимающий в главке должность старшего оперативного офицера, часто вращался в среде генералов управления военной разведки и смотрелся весьма достойно, не тушевался, в глаза смотрел открыто и не «работал лицом среди правильных людей». Чего нельзя было сказать о самих генералах. Некоторые из них переигрывали, точнее, играли на этом факте: заносчивые взгляды скользили, как по пологой башне современного танка, по молоджавому полковнику. Однако не причиняли особого ущерба «конструктивно сложенному» военному разведчику.

– Что ты надеешься услышать от наших гостей? – спросил Ленц.

– Об исключительной – я бы сказал, о феноменальной подготовленности бойцов погибшего экипажа, – ответил Михаил Васильевич. – Это была профессионально подготовлен-

⁶ Сейчас на российском Каспии осталось три малых десантных корабля (МДК) проекта 12321 – МДК-18, 88, 184. Входят в состав дивизиона 106-й бригады охраны водного района и дислоцируются в Каспийске.

ная диверсионная группа, и она должна была отличаться от остальных экипажей. Диверсии, подобно той, что имела место близ Чернопесчаного, тщательно планируются, много времени уходит на подготовку, шлифовку деталей. Порой уходят недели, месяцы.

– Разработчик этой операции потратил не меньше. И человек он нашего круга. Давай-ка помозгуй за него, а я послушаю.

Артемов прищурил глаз и пошевелил губами, словно что-то подсчитывал.

– Во-первых, он еще до начала курса знал точную или максимально точную программу группы лиц, которые и стали его жертвой: их планы, расписание по пунктам, дням и часам, даже точный маршрут передвижения. Во-вторых, он либо подобрал боевую группу, либо она уже была укомплектована, возможно, имела опыт проведения диверсий. Затем бойцы этой группы направляются в центр спецподготовки в качестве претендентов, причем на общих основаниях – чтобы не нарисоваться и не вызвать подозрений – и по трем причинам. Первая: они находятся в непосредственной близости от проведения диверсии. Второе: надежная легенда – им не нужно скрываться, напрягаться от возможных контактов с военными – моряками, пограничниками, милицией. Они постоянно вместе, командой, ежесекундно чувствуют друг друга, не теряют контакта. А это очень важный момент для диверсионной группы. Действующей в тылу врага, – добавил полковник. – Плюс все то же определение – курсанты. Что отчасти выглядело как алиби.

– Согласен, – кивнул генерал. – Я понял тебя. Диверсанты – одно целое звено – как до диверсии, так и после. И убрать их легче именно по этому важному обстоятельству. Причем подвести под несчастный случай. Идеальный вариант, – отдал он должное неизвестному разработчику этой операции. – Классика: исполнителей почти всегда убирают. Кто устранил этих? Кстати, давай определимся с названием группы. Ты же не собираешься писать в отчетах: они, их, этих... Предлагаю «экипаж-97».

– Согласен.

– Нам недостает промежуточного звена, – сказал Ленц, покручивая в руках плюсовые очки в золотистой оправе. – Экипаж кто-то курировал в центре. И сделал все, что от него требовалось: укомплектовал группу своими бойцами, вел их по курсу так, что ни один не попал под жесткий отсев. И в учебный рейд, во время которого была совершена диверсия, они пошли по графику, составленному куратором. По его же распоряжению они, вернувшись в центр, на следующий день приступили к практическим занятиям с дыхательными аппаратами.

– Чтобы отдать концы, – подхватил Артемов. – Поначалу я подумал, что все шесть аквалангов имели одну неисправность, – это был первый вариант. Второй – в газовой смеси или кислороде присутствовал отравляющий компонент. В заключении медэкспертов я нашел один интересный момент, который исключает механические, что ли, повреждения дыхательных аппаратов. В крови погибших медики не обнаружили следов адреналина. Что говорит о следующем: они умирали, но страха не испытывали.

Ленц повел плечами то ли от неотрывного взгляда подчиненного, то ли от его слов.

– Я поговорил со специалистами из нашего НИИ-17, – продолжал Артемов, – они дали ответ: подобный эффект может дать яд, разработанный в этой же лаборатории еще в 1970 году. Яд имеет совершенно безобидное название: «жасмин». И действует «гуманно», как умерщвление приговоренных к казни посредством смертельной инъекции: сначала вводят успокоительное, потом снотворное, а дальше хлорид кальция останавливает сердце. Причем «наш» «жасмин» не оставляет следов, поскольку задействует естественные наркотики организма. Точнее, активизирует их. Короче, банальная передозировка.

– Я знаю о «жасмине» достаточно, – кивнул генерал. – Это средство разрабатывали для спецопераций. В основном в газовой модификации. «Жасмин» не вызывает паники – в этом его главное преимущество. Даже возбужденный человек моментально успокаивается,

расслабляется, засыпает, а потом умирает. Противоядие одно: вовремя введенная доза адреналина. И то этот антидот помогает не всем и не всегда. «Жасмин» состоит на вооружении российских спецподразделений.

– Возможно, ты прав, и к «экипажу-97» применили именно «жасмин». – «Однако, – подумал начальник военной разведки, – этот факт не сужает круг поисков. „Жасмин“ используется различными спецподразделениями – ГРУ, ФСБ, МВД».

Ленц коротко ответил на телефонный звонок и продолжил беседу.

– Считаешь, закачали газ в дыхательные аппараты? – предположил он.

Артемов не согласился с шефом.

– Думаю, сначала в баллон с газовой смесью: возиться с каждым аквалангом долго – а значит, и рискованно, и неудобно. К тому же для этого необходим компрессор, поскольку разница в давлении у небольшого баллончика – я имею в виду стандартную упаковку для спецсредств – и баллона с газовой смесью велика. А после заправки аппаратов газ из баллона был выпущен – вот и все. Никаких следов не осталось. Если куратор отвечал за техническое оснащение, в чем я сильно сомневаюсь, – то уничтожил следы сразу же после заправки аппаратов. Но он не мог быть эксплуатационником, поскольку формировал экипажи – факт нами почти доказанный. Так что, скорее всего, сделал это позже, уже после устранения исполнителей. А техник, сам того не зная, вместо нитрокса закачивал в акваланги ядовитую смесь.

– Кто тебя консультировал по этому вопросу?

– Капитан первого ранга Ранеев, – назвал полковник имя сотрудника оперативного управления.

– Хорошо. Нам осталось выяснить, кто в «Дельте» комплектовал экипажи, кто стоял за распределением очередности практических занятий под водой, и через него выйти на заказчика.

– Неплохо было бы. Да и материалы по возбужденному делу не мешало бы посмотреть. Насколько я знаю, теракт в Генпрокуратуре «завис». Кому мешал Максаков?

– А может, начальник Главка МВД по Южному федеральному округу генерал Шестопалов? – подсмотрел в сводке Ленц. – Или просто два военных вертолета – лакомый кусок для террористов. Я посмотрю, что смогу сделать. Пока ни милицию, ни Генпрокуратуру, ни тем более ФСБ напрягать не будем. Поглядим, что у нас будет вырисовываться, какая фигура выплывет. По большому счету не важно, какие цели она преследует, более существенно, какие средства использует. А это спецназ ГРУ. – Брови генерала сошлись к переносице. – Короче, какой-то мудрота поимел всех нас. В учебном центре, считай, в колыбели. Согласен?

– Да, – кивнул Артемов на меткое сравнение начальника ГРУ.

– И все же: если речь идет о чем-то непонятном, как в нашем случае, – значит, она идет о деньгах. Умные люди, эти мудрецы. На чем мы остановились?

– На кураторе.

– Мне кажется, что его постигла участь экипажа.

– Не думаю.

– Вот как? Почему?

– Потому что это перебор, Игорь Александрович. Ликвидация куратора породила бы цепь событий, а так гибель курсантов – лишь одно-единственное звено. В противном случае несчастный случай переставал быть таковым. Что не входило в планы разработчика операции. Так что куратор жив. Я так думаю.

– И все же. Что-нибудь слышал о несчастных случаях среди офицеров и инструкторов «Дельты»? Ну, спустя какое-то время после ЧП: год, два...

– Я слышал о несчастном случае с лаборантом НИИ-17, – как ни в чем не бывало сказал Артемов. – Некто Евгений Дудников. 27 сентября 1997 года он попал в автокатастрофу. Погибли трое: он, жена и его теща. Спустя ровно месяц после диверсии.

– Да, в твоей сказке партизаны становятся все жирнее... Давай-ка заслушаем твоих людей. Сначала одного, потом другого.

Человеку, вошедшему в кабинет начальника военной разведки, на вид было двадцать семь – двадцать девять лет. Он был одет в светлый пиджак, темные отутюженные брюки («стрелки – пальцы обрежешь», – заметил Артемов) и коричневые туфли. Он вытянулся в струнку при виде «четырёхзвездочного» генерала с орденской планкой в четыре ряда на кителе и человека лет сорока в гражданской одежде, пересевших на диван. Он давно уволился в запас, его карьера военного прервалась, когда в сентябре 1997 года закрыли «Дельту», а курс распустили.

Он кашлянул, поднеся кулак ко рту. Чем напомнил Артемову сцену из «Семнадцати мгновений весны»: опознание Штирлица «больным пареньком», стоявшим в охране недалеко от разрушенного дома радистки Кэт и ее мужа Эрвина. «Вот сейчас этот парень попал „в одно из мгновений“, – незаметно улыбнулся полковник. – Видит перед собой не российского генерала, а начальника гестапо». Он скосил глаза на Ленца: тот сидел, на взгляд Михаила Васильевича, с малость глуповатым лицом, действительно, как на очной ставке или опознании, не зная, что услышит. Просто ждет. Неодолимо тянуло встать, подойти к «чахоточному» и сказать, указав на Ленца-Мюллера: мол, он свой человек – Герой России, правда, но не сделал ничего дурного, просто мы так – от делать нечего – развлекаемся.

– Представьтесь и присаживайтесь, – попросил генерал суховатым голосом.

– Старший сержант запаса Николай Реутов! – по-военному четко отрапортовал гость.

– Присаживайся, Николай, – повторил Ленц, переходя на «ты». – И разреши пару-тройку вопросов. В 1997 году ты был зачислен на курс спецподготовки.

– Так точно, товарищ генерал армии!

– Да не ори ты, господи боже мой! Ты ж не в казарме! Называй меня по имени-отчеству: Игорем Александровичем. Что можешь сказать о погибшем экипаже? Помнишь тот случай?

– Так точно, Игорь Александрович!

«Господи...» – простонал генерал, чувствуя зуд в ушах. Кроме хозяина, в этом кабинете никто так не орал.

– Я подскажу направление: чем он отличался от остальных? От экипажа, в котором был ты? Сразу не отвечай, немного подумай.

Было видно, что сержант не может сосредоточиться, находясь в столь высокой компании. Он вошел в кабинет, на двери которого не было (как и во всем «Аквариуме») вывесок или табличек, гадал, наверное, кто перед ним. Разгадка была немного размытой: кто-то из высших чинов самой секретной и закрытой из разведок мира. Этот простой смертный боялся подумать, что находится в компании самого высшего чина ГРУ. А Ленц и не думал хоть на секунду оставлять сержанта один на один со своими мыслями: ну, там, подойти к стене, поглазеть на карту, подозвать подчиненного, потыкать куда-нибудь пальцем... Генерал сидел все в той же позе группенфюрера и неотрывно смотрел на сержанта, на его взволнованное лицо и вспотевшие ладони, которые тот нервно потирал.

– Слушаем тебя, Николай, – наконец разрешил Ленц. Именно разрешил, наверняка зная, что сержант без приказа и рта не раскроет.

– Да, я вспомнил, конечно, – сказал Реутов чуть хрипловатым голосом. – Тот экипаж был первым. В смысле – лучшим, – уточнил он.

Генерал и полковник обменялись многозначительными взглядами.

– Бойцы этой группы раньше проходили службу в одном подразделении? – спросил Артемов.

– Насколько я помню – нет.

– Состав экипажа менялся во время курсов?

– Нет, – с небольшой запинкой ответил Николай.

– Чем они отличались от других курсантов? Может, физической подготовкой? – пришел на помощь Михаил Васильевич. – Лучше владели оружием, преуспевали в других дисциплинах?

– Да, наверное, так можно сказать.

– Они общались с другими курсантами?

– Как это?..

Артемов перефразировал вопрос:

– Не были ли они замкнутыми, как бы заключенными в своей среде, в кругу экипажа?

– Я уже не помню, – Николай Реутов выжал на скованное лицо смущенную улыбку. –

Шесть лет прошло...

– Чувство зависти, ревности они не вызывали? – принял эстафету генерал. – Как относились к ним инструкторы – не было ли послабления к этому экипажу? Если да, то кто из офицеров военно-морской базы в этом вопросе был заметнее, что ли? Но прежде ответь на следующий вопрос: кто комплектовал экипажи?

– Я не знаю. Когда нас впервые выстроили на плацу, у старшего инструктора уже были списки. Точнее, нас по ним выстроили. «Коробочками», – уточнил сержант, показывая руками, – по шесть человек в каждой. Насчет ревности... не знаю. Лично я ничего такого не испытывал. В любой воинской части есть первая рота, первый взвод...

– А есть четвертая рота... – продолжил начальник разведки. – Я понял тебя. А кто из офицерского состава центра благоволил им?

– Не знаю – может, мне показалось... – замаялся Реутов. – Были два офицера, которые общались с экипажем и после занятий.

– Назови их...

Показания второго гостя почти ничем не отличались от первого. Правда, второй бывший курсант «Дельты» не был так напряжен. Его припухшее лицо и воспаленные глаза говорили о его пристрастии к спиртному. Артемов даже удивился, что тот не попросил за услугу на пол-литра. Взгляд несостоявшегося профессионала расшифровывался легко: «Поговорите со мной не под запись, а под закуску, я вам такое порасскажу!..»

– Даже не знаю, хочу ли, чтобы мы ошиблись или оказались правы, – сказал генерал подчиненному после непродолжительного молчания. – Давай-ка я послушаю, что ты там планируешь.

– Я? – фальшиво удивился Артемов.

– Нет, я.

– Я ничего не планирую.

– Так планируй! Неужели ты думаешь, что к этому делу я подключу другого оперативника? Одного тебя, прозорливого, много. Даю тебе два дня и доступ к архивам. Понадобится помощь – обращайся немедленно.

– А кое-какие соображения можно высказать?

Ленц посмотрел на настольные часы:

– Только коротенько. – Через двадцать минут он запланировал совещание. В связи с этим Игорь Александрович усмехнулся. Лет пять назад на одной из «консисторий», проходившей в конференц-зале «Аквариума», присутствовал и Артемов – аккуратно когда добавил к своей майорской звезде еще одну. Можно сказать, Ленц видел его впервые. В ту пору к Артемову прилепилось обидное до некоторой степени прозвище – Адъютант. Может, потому,

что Артемов был исполнительен, если не сказать – вышколен. Наверно, и за его привычку сидеть с прямой, как у телеграфиста, спиной, поправлять аккуратно подстриженный висок – но без тени рисовки. Даже его вопросы и ответы всегда были созвучны, что ли, его облику и жестам: короткие, лаконичные. Выслушивал он собеседника, всегда глядя тому в глаза, с чуть склоненной к плечу головой и почти не мигая, в чем крылось иногда сухое, но больше – ироничное внимание. У него была не притягивающая, однако и не бездушная улыбка, да и серовато-голубые глаза особо не располагали дружелюбием.

Кое-что, конечно, осталось от того Артемова, но в основном, «матерея» с годами, он подрастерял свои индивидуальные качества.

Так вот, перед каждым членом оперативки стояли пепельница, бутылка с минеральной водой, блокнот для рабочих записей, пара остро оточенных карандашей. Генерал заметил, что «новичок» что-то скоро строчит в блокноте, бросая короткие взгляды на участников летучки. Когда совещание закончилось и все разошлись, Ленц открыл блокнот новоявленного подполковника... Оказалось, что Артемов упражнялся в составлении кратких характеристик, даже достиг значительных успехов на этом поприще. Так, по его вольному определению, смуглолицый оперативный офицер в чине полковника, башкир по национальности, – «тот же татарин, только дикий». Ухоженный генерал-майор из политуправления – «декан кафедры половых сношений института Связей; профессиональный мужчина». Начальник архивного отдела: «старый конь на испорченной борозде». Тучный, с пивным животом первый зам начальника ГРУ: «все подружки по кружке, а я, дура, с бидоном». «Вася из Москвы и Коля из овощного киоска» – эта запись касалась тихого и незаметного начальника отдела управления военных технологий и его заместителя. О себе генерал Ленц прочел следующее: «Заклюёт!» Дальше шла многозначительная приписка: «Отец за сына».

Он все еще держал книжицу в руках, когда дверь открылась и на пороге появился Миша Артемов. «Забыл что-нибудь, сынок?» – любезно осведомился начальник разведки, похлопывая рабочим блокнотом по ладони.

А этот стервец даже не смутился.

Вообще Ленцу нравились такие, как Артемов. «Общение на грани», – вывел он свою формулировку. Хотя излюбленным, что ли, выражением генерала армии было – «пороговое». Вроде – «вопрос, граничащий с пороговым».

– Только коротко, – повторил Ленц.

– Дело явно стоит мессы, товарищ генерал, и мне кажется не лишним послать в «Дельту» одного человека. Под видом инструктора.

– То есть внедрить, – уточнил генерал, подумав: «Не поздновато ли?»

– Не совсем. В данном случае классический вариант не подходит. Попробуем сыграть тоньше. Но от внедрения не откажемся.

– Как это понимать? – спросил начальник разведки. Ведь только что он услышал, что «классика тут не катит».

Полковник, чувствуя перевес на своей стороне, взял внимание не только продолжительной паузой, но и опущенными глазами.

– Мы ставим перед собой задачу – выйти на заказчика. Про исполнителя разговор отдельный. Я предлагаю следующее. Во-первых, мне нужно смотаться в центр – выяснить кое-какие детали. Дальше...

Разведчик говорил долго, в течение четверти часа. Когда он закончил, удивленный генерал спросил:

– Думаешь, твоя программа сработает? Мне кажется, ты живешь переизбытком планов, Михаил Васильевич.

Полковник ответил с придыханием Егора Гайдара:

– Отнюдь...

- Я дал тебе два дня, а ты за двадцать минут родил план многоходовой операции...
- Двадцать минут? Да я ночь не спал!
- Ладно. Как насчет названия – «Жасмин-2»?

Полковник пожал плечами: «Какая разница? Дело не в названии».

Собираясь в конференц-зал, Ленц поправил галстук перед зеркалом и «по-раскольнически» остановил полковника:

- Погоди, вместе выйдем.

«Одним притвором», – перевел-дополнил Артемов.

– Ты начал проверять личности «экипажа-97»? – на ходу спросил генерал, пропуская впереди себя полковника. – Не тяни с этим делом...

Ответ на запрос обескуражил даже начальника военной разведки, повидавшего на своем веку немало. Но главный сюрприз ожидал их впереди. Они не могли просчитать такого развития событий – наверное, мешала логика. Хотя вывод напрашивался сам собой. *Он вытекал из прошлого.*

ГЛАВА 2 МЕЖБОЛОТНОЕ ДЕФИЛЕ (начало)

*Прикаспийская низина, 47° восточной долготы,
45° северной широты,
26 июня 2003 года, четверг*

...Так камыш не шумел ни в одном самом пьяном хоре. Он сплошной, шелестящей на ветру стеной стоял на пути группы морского спецназа, пускал зеленые и желтые лезвия навстречу; куда ни протяни руку, везде наткнешься на предательски острый «местный бамбук», как в сердцах обозвал эту сплошную ядовито-зеленую поросль командир группы Сергей Климов. Не спасали перчатки с обрезанными пальцами: они превратились в лохмотья, как и камуфлированная под местность одежда спецназовцев. Вот теперь она точно стала камуфлированной – злился головной группы и грязный как черт Алексей Бережной по кличке Земля. Он срубал камыш боевым мачете, прорубая товарищам дорогу; спецназовцы шли цепочкой, один за другим – о том, чтобы в этом болотном аду, кишасщем гнусом и слепнями, разбиться хотя бы на две подгруппы, и думать было нечего.

Солнце палило нещадно. Влажность стояла страшная. Одежда не сохла третьи сутки, которые группа Клима находилась в рейде. Лица бойцов покрыты саднящими волдырями – работа подсоленной местной водички и кровососов всех мастей – натуральный каспийский грим, ложится естественно и надолго, не чета никакому натовскому или «штатовскому».

Бережной выдохся и повалился на траву. Перевернувшись на спину, начальственно бросил, словно был командиром:

– Перекур.

Рядом растянулись, как недобитые петлюровцы, сержант Василий Серегин по кличке Серьга и радист группы Леонид Гардин – Эфир. За ними остановились последние трое бойцов лодки, включая командира.

– Ну, чего вы разлеглись как свиньи! – донесся до Бережного голос командира экипажа.

– Не припав к земле, не услышишь топота бизонов, – хрипло отозвался Бережной и глотнул теплой тошнотворной воды из фляги. Срубив тоненький росток ненавистного тростника, Алексей сунул его в рот и толкнул локтем Серегина: – Серьга, слышал про Лету?

– Про кого?

– Темнота! Греческая река мертвых.

– Ну?

– Вот и ну. – Бережной снял с головы бандану и отер покрасневшее припухшее лицо. На нем ярким контрастом выделялись его живые и черные, как у цыгана, глаза. – Хлебнешь той водички и забудешь напрочь, кто ты есть на самом деле. Наш команданте уже нахлебался. Забыл, что командует «по доверенности». – Земля коротко хохотнул и покрутил у виска пальцем: – Он ни хера не врубился, куда мы идем! Ему туператор нужен.

– Земля, – повысил голос старший сержант, – если захочешь помолчать – не стесняйся.

Бережной подмигнул снайперу:

– Он думает, что его командирский голос меня раздражает. Наивный.

Клим тем временем, разложив на коленях карту, закатанную в полиэтилен, и сверяясь с компасом, определял местоположение отряда. От места предыдущего привала они продвинулись не намного, километра на полтора строго на юг. Еще с полкилометра – и откроется очередная протока – узкая, как канализационный сток, и такая же смердящая, одна из двух

десятков, что они прошли, одна из тысячи, что змеились в этом проклятом заброшенном краю – северной части Каспия. Одни из них выходили к морю, другие переплетались между собой, порой образуя небольшие озера. Как в карело-финских шхерах, где Клим бывал не однажды. И всякий раз, углубляясь в их хитросплетения, его посещала мысль: еще один поворот, излучина, ерик, похожие друг на друга как две капли, и он навсегда останется блуждать в шхерах страны тысячи озер. Страх перед водными лабиринтами давно прошел, но тогда его, пятнадцатилетнего паренька, страхи брали за горло не на шутку.

В самом начале рейда он рассказал об этом товарищам и услышал слегка надтреснутый голос Эфира:

– Да и здесь не сахар. А сахарный тростник...

Чертовы шхеры вымотали донельзя, бесовская растительность угнетала, природа издевалась над спецами, показывая свою бесконечность и не радуя разнообразием ландшафта. С ума можно сойти. Вернешься из рейда, а среди экипажей военно-морской базы начнутся подколки: «Серый, ну как водичка на Черноморском побережье?» Вернешься засушенным кленовым листом, а если говорить про всю группу – то гербарием, мать его!

«Не врубился...» – повторил старший сержант издевательскую, но понятную ему, командиру, подковырку. Но в том-то и дело, что «врубился» – с топографией у Сергея Климова было все в порядке еще на срочной, а здесь, в центре спецподготовки «Дельта», этому искусству учат чуть ли не с первых часов, без этой науки ты не разведчик, а щенок слепой.

И уже не удивляло, что порой на карте – дороги, а на деле – направления.

Клим почти вывел свою группу в заданный район, причем с той стороны, откуда ее не ждали. Бойцы шли уже три дня, высадившись на надувной десантной лодке в квадрате 257 и притопив ее в неприметной протоке, потерявшей в могучих порослях тальника. Они действительно не шли, а перли то непролазными трясынами, то непроходимыми чашкобами. Каждый боец понимал цену задачи (или изо всех сил старался понимать) – по сути, экзамена «на фоне учений, моделирующих боевую операцию», – и вот... «Не врубился...»

– Подъем! – скомандовал Клим. – Эй там, на палубе! Слуховые аппараты вышли из строя?

– С аппаратами все отлично, – отозвался Земля. – А вот с личным... – Он смотрел на командира, который взял за привычку носить два ножа. Один «катран» крепился на поясе, другой – под коленом. – Ты бы сменил головного, Клим. У меня все руки отсохли. Я целый час косил эти заросли.

– Попробуй своим острым языком.

– Да, попробуй, – вставил Михайлов по кличке Мелкий. – У меня задница не брита.

Алексей удивленно вскинул брови:

– Вчера вечером я этого не заметил. Может, в темноте не разглядел?

– Ну хватит! – осадил бойцов старший сержант. – Достали! Мелкий – вперед!

Теперь камыш рубил Михаил Михайлов – подрывник по специальности. Забросив за спину «вал» с оптикой, обмотанный тряпьем, он методично прорубал дорогу, шаг за шагом приближаясь к цели. Которая, казалось, затерялась где-то на краю галактики. А здесь – дикий, заброшенный край. Кулики и серые цапли не боятся, словно видят человека впервые. Камышовый лунь раскинул свои почти метровые крылья и, как самолет с импульсными радиолокаторами нижнего обзора, гордо кружит на высоте, поблескивая серебристо-белыми «подмышками». А вокруг него мечутся, как истребители, черно-белые крачки. Мошара, стрекозы, лягушки; отчего-то пугающие своим длинным носом землеройки, без усталости пожирающие насекомых... Действительно, как на другой планете.

«Межозерное и межболотное дефиле» продолжалось.

...Очередной размашистый удар боевым мачете, и... Бережной не успел в очередной раз еле слышно присвистнуть в такт уходящему по широкой дуге холодному оружию Мел-

кого: «Косил Ясь конюшину»... Местность вокруг резко изменилась. Вместо проклятого камыша и ненавистой осоки спецназовцам открылась довольно широкая и чистая протока, подрагивающая мелкой рябью и морсящим дождем играющего малька. Ее берега украшали бледно-розовые цветы трилистника и лилово-пурпурные чистеца. Воздух был насыщен их ароматом. И камышовый гул сразу же исчез, уступив место почти идеальной тишине.

«Ложись!» – подал знак Мелкий, маскируясь и давая место командиру группы.

Климов подполз к бойцу и поднял руку: «Тихо!»

– Тихо! – шепотом продублировал Земля Серегину. – Кощей Бессмертный будет слушать кукушку. Ку...

– Тихо, я сказал! – шикнул командир на болтливого товарища.

Клим поднес к глазам бинокль и внимательно осмотрел местность. Окуляры поблескивали фиолетовыми разводами чернильной пленки и выхватывали мельчайшие детали береговой линии, то, что скрывалось за прибрежными кустами и деревьями. От напряжения глаза командира заслезились, и панорама предстала как бы трехмерной, излишне резкой. Именно в этот момент «стереоскопического зрения» наблюдателя мощная оптика показала базу – цель разведывательно-диверсионной группы. База находилась на расстоянии трехсот метров севернее места точки наблюдения и представляла собой комплекс из нескольких брошенных барачных, скрытых от невооруженного глаза за порослью тальника. Чтобы выполнить задание, группе Климова необходимо вернуться в чащобу и уже с иным настроением пройти параллельно протоке. А там, выбрав удобное место, снять на пленку все объекты «вражеской» базы.

Клим улыбнулся – впервые за эти трое суток. *В очередной раз* услышал, что «самое поганое – это не ждать и догонять, а... *надеяться*– это надежда не дает человеку покоя». Об этом сказал Василий Серегин.

Первый кадр на фотоаппарат был сделан в 19.20 по местному времени. Камера была в руках снайпера группы Серегина. Глаз у него наметанный, рука твердая. Другие бойцы по очереди наблюдали за объектами базы. Не без самодовольства отмечали знакомые «вражеские» лица однокурсников (у них прямо противоположная задача), инструкторов и офицеров военно-морской базы. Вот промелькнул сержант Самохвалов, чинно прошел мичман Офицов в компании лейтенанта Болтынского... Все в камуфляже, с оружием и выглядят устрашающе.

Внимание Клим привлек небольшой одинокий островок, словно вылезший из воды в середине протоки. Сержант подозвал Бережного.

– Земля, искупаться хочешь?

Алексей, удивляя товарищей абсолютным молчанием, снял ботинки, «разгрузку», развязал тесьму на брюках. Ослабил автоматный ремень (чтобы не давил под мышками) и надел его через голову так, что он продолжал линию плеч, находясь за спиной. Нарвал молодой поросль камыша, чтобы закамуфлировать им голову. Принял от командира водонепроницаемую камеру. Клим остановил его:

– Не гони, Земля!

Он заметил знак Мелкого, обследовавшего прибрежную полосу, там подрывник обнаружил хитроумные ловушки и сторожки. К тому же еще не был готов второй боец, идущий в паре с Землей: специалист «широкого профиля» и просто хороший боксер Юрий Аденин по кличке Туши Свет. Аденин даже внешне походил на шотландского боксера Скотта Харисона, а тот в свою очередь смахивал на Фредди Крюгера. Ужас, короче, как-то подметил Бережной.

Туши Свет в отличие от товарища автомат надел через плечо.

Дно было илистым, течение в протоке – слабым, почти стоячая вода, в которой даже небольшое замутнение продержится долго. Земля выбрал небольшой участок с песчаным

дном, свободным от зарослей осоки, и осторожно ступил в воду. Бесшумно погрузился по плечи. Следом за ним шел Туши Свет.

Они плыли медленно, издали были похожи на две болотные кочки или всплывшие на поверхность пучки водорослей. Они маскировались еще и островком, к которому подплывали. Он имел округлую форму, пологие берега и буйную растительность.

Земля был готов к тому, что он увидел, взбираясь, как нильский крокодил, на берег: скрытую в траве проволоку. Разведчик жестом остановил товарища и, скользя по синеватой глине, дополз до того места, где была замаскирована сигнальная мина. Над ней торчал взрыватель. «Модернизированный упрощенный», – автоматически определил его тип Бережной. От карабина, прикрепленного к щеке с Т-образным ушком, и шла натяжная проволока. И еще одна – тонкая и почти невидимая – она была приделана к шпильке, вдетой в отверстие штока запала, и шла в противоположном направлении.

И еще один знак товарищу: «Оставайся на месте, буду разминировать».

Земля действовал хладнокровно и быстрее, чем обычно. Отерев грязь с рук, он отвязал обе проволоки, вынул взрыватель из заряда и отвинтил запал. Положил его за пазуху, оттянув ворот майки: «На память».

«Готово, – просемафорил он Аденину. – Пошли».

Так же осторожно пара разведчиков продвинулась на несколько метров и оказалась в середине островка. Земля нашел удобное место для съемки, приняв стебли чистеца, опущившиеся мелкими волосками, и приготовил камеру. На последние кадры попала открытая бревенчатая «тюрьма», опутанная колючей проволокой, и «заключенные» в ней: курсанты спеццентра Иноземцев, Тарасов, Антонов и Дитмар. Главное сделано: они зафиксировали «военнопленных» на базе.

Также в кадр попала старая и наверняка давно списанная техника: пара БТРов (на одном из них – едва читаемые буквы и цифры: «СК-240»), крытые «ЗИЛ-130», ствол пушки, маскирующейся в кустах. Не без удивления Земля отметил, что это допотопная противотанковая 100-миллиметровая «МТ-12» «рапира», на жаргоне пушкарей – «Последняя встреча с „Леопардом“».

Тренировочный лагерь действительно выглядел как военная база.

Возвращались в обратном порядке: впереди Туши Свет, за ним – Земля.

Выбравшись на берег, Алексей широко улыбнулся товарищам:

– Как по маслу! Валим отсюда. – Он подмигнул радисту: – Эфир, загружай программу прыжков.

Почти никто из центра специальной подготовки политзанятий не любил. В общем, одно и то же. Сколько личного состава осталось в Чечне, сколько вывели. Сколько фугасов обезвредили саперы федеральных войск, кому из чеченских полевых командиров оторвало голову. Кому из начальников присвоили очередное звание, кого перевели на другое место службы, кого поставили на его место. Как прошли испытания нового истребителя, корабля. Что сказал министр обороны, что ответили его подчиненные. Потом следовала «зарубежная хроника».

Нудная и заурядная, но все же это работа. Для курсантов в первую очередь.

В позапрошлую среду, 18 июня, в середине доклада капитан-лейтенант Олег Колчин объявил, что полевой командир Хамид Саидалиев, дагестанец по национальности, получивший тяжелое ранение в голову, с небольшой группой боевиков прорвался на территорию Дагестана и захватил в заложники бригаду медиков – предположительно для оказания ему помощи или даже проведения хирургической операции. Дальше – как всегда. Вышел указ министра обороны, в котором говорится...

А по подразделению уже поползли слухи о готовящейся учебной акции. Курсанты, прошедшие трехнедельные курсы на выживание, готовились и к ней, и к дальнейшему этапу

обучения. Уже окрепли, почувствовали силу, потому рвались в бой. Совершать прыжки с парашютом, погружаться под воду, заниматься греблей, а не таскать тяжеленные лодки и кранцы на своих плечах.

В четверг или пятницу кто-то из курсантов спросил Колчина:

– Товарищ капитан, а как там Саидалиев? Не поймали его?

– Вы молодец, – похвалил курсанта капитан. – Внимательно слушаете. Нет, но его отряд где-то в нашем районе. Большом и болотистом районе. В горах поиски вести легче, – посетовал он. – Пока ничего не известно и о медиках.

– Ну, ясно. Сделали ему операцию, а самих врачей в воду.

Другой остроумный неосторожно хихикнул:

– Еще одного «Титаника» сделают.

В субботу капитан Колчин сам обратил внимание на говорливого не по уставу курсанта. Доложил коротко:

– Группу Саидалиева не нашли. Медиков тоже. Боюсь, вы оказались правы, курсант Озеров. Так, на чем мы остановились?...

После отбоя к Озерову подошли двое товарищей.

– Ты вечером не спрашивал про Саидалиева?

– Ребята, вы чего? – опешил курсант.

– Выслуживаешься? Бросай это дело. А то обосреешься в чужих руках.

...Клим, чья группа (лодка) считалась лучшей в «Дельте», вернул трубку радиостанции Эфиру и в сердцах выругался: «За каким хреном я выходил на связь с центром?!» Лучше бы, думал старший сержант, на связь не выходить, ведь то, что он услышал, приятным никак не назовешь. Только недавно ему казалось, что все позади. Как на собаку он бросил злой взгляд на бойца своей группы Василия Серегина, словно это он, а не Алексей Бережной накаркал: «Как по маслу!» И никто тогда не добавил: «Не к добру». И кто бы посмел! Ведь трехдневный рейд – а на данный момент пошли пятые сутки – не выглядел легкой прогулкой.

А ведь все на руках: и добытая с трудом информация о базе условного противника, и... чертова радиостанция за спиной Эфира, способная достать и на Луне.

Сергей Климов в мыслях вернулся к действиям своего экипажа. Действовали на загляденье грамотно, профессионально, привычно хладнокровно. Не говоря об изнурительном пути, обнаружили базу, обошли все выставленные кордоны так, что ни один часовой из опытных спецов, обосновавшихся на базе, не чухнулся; сняли на камеру расположение объектов, посчитали по головам и личный состав «неприятеля», и «томящихся в заключении пленников».

И только сейчас Клим пристрелило коротким словом: *подстава*. Его учебную группу, которая изначально считалась боевой единицей, проверяли на вшивость. Отсюда и «бесхитрость» задачи, и очередное незапланированное задание, и буквально «гнилые заезды» с якобы похищенной бригадой российских медиков, которые умудрились *сбежать* именно в тот момент, когда группа Климова находилась в учебном рейде. Все одно к одному.

Клим до слова вспомнил последние пять или шесть обязательных в спеццентре политзанятий. Ему казалось, что его жарили на огне дезинформации, чтобы перевернуть, закрыть крышкой и довести до готовности. А потом с аппетитом сожрать.

Сергей выругался, глядя на презерватив, натянутый на «глушак» автомата, и только сейчас вдруг поверил в то, что все – правда и его экипажу предстоит другое, точнее, очередное задание, за милую тянувшее неприятным душком. Только вот передохнуть после многодневных маневров не дали, а позволили гадать на «авось».

Вот и гадай.

А думать о том, что на борт лодки нужно взять только *одного* из шести сбежавших медиков, бесполезно. Мало материала для размышлений, чтобы разобраться в этом дерьме.

Ну ничего, скрипнул зубами Клим и швырнул в воду окурок. Он принял решение. Он только взглянет в глаза лжеврачей – хоть одного-то узнает. Поскольку это подстава, Клим должен был видеть его в центре спецподготовки. Вот тогда он и покажет хитроумным штабным разработчикам, что способен выполнить любое, самое изощренное задание: бросит в этом болоте всех медиков и возьмет на борт лишь одного, как гласила сброшенная в эфир «вводная».

А что, если...

Как он посмотрит в глаза *настоящим* медикам, сбежавшим из плена?..

Да как обычно, нашел он ответ. Нужно лишь дожить до встречи с ними.

А пока Клим глянул в ту сторону, где была затоплена в скрытой протоке (ни один егерь не найдет), уходящей в густую, неприступную стену камыша, лодка: до нее было не так далеко.

И снова взгляд Климата буравит карту, отметины, которые он в сердцах сделал ногтем поверх защитного слоя.

– Они идут отсюда сюда, – показал он бойцам, окружившим его, – с юга на север. – Бросил взгляд на Бережного: – Земля, только не говори, что я снова не врубился. Судя по информации, идти им осталось километра четыре с половиной. Выйдут к этой излучине, упрутся в нее, а дальше только вплавь или вброд по тине. Убегая, петлять они вряд ли станут. Медики, – многозначительно заключил он. – В общем, так: пойдем им навстречу. Разбиваемся на пары – и вперед. Думать некогда.

Сейчас группа спецназа находилась 47 градусов восточной долготы и 45 – северной широты. От Астрахани (направлением юго-запад) по прямой чуть больше двухсот километров. На многие мили глубина Каспия не больше десяти метров. Лишь у Тюленьего острова (в нескольких километрах от дислокации спеццентра), что на полградуса южнее, глубина достигала семидесяти, чего хватало для тренировок с дыхательными аппаратами. А самое глубокое место российского Каспия было в 200 километрах восточнее Дербента. Река Кума не хуже Меконга соединяла несколько республик: служила водоразделом между Дагестаном и Калмыкией, пронизывала Ставропольский край и притоками вторгалась в Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкессию. Куму-то, рассеченную в нескольких местах, как казачьей шашкой, Ногайской степью, и перешли медики. Шли так, словно преследователи прижимали их к морю, и подальше от Черной земли Калмыкии, во всяком случае, именно это прослеживалось в их действиях.

Скрытая протока была узкой и неглубокой. По ней могла пройти моторная лодка, причем без опаски намотать на винт густую, стелющуюся по прозрачному дну траву, которой тут было чуть больше, чем водорослей в Саргассовом море.

Клим оглядел бойцов. Одежда на них грязная и мокрая. Поистощали за последние сутки, устали до смерти, но виду не подают.

Группа пошла правым берегом протоки, часто проваливаясь по колено в затопленные водой ямки. Примерно через четверть часа пути, когда до предполагаемой встречи с бежавшими медиками оставались считанные минуты, командир резко остановился, в нетерпении протянул руку идущему позади радисту и пощелкал пальцами: «Давай связь».

Он выходил на связь с центром, понимая, что нарушает инструкции, но в данной ситуации посчитал это правильным. Рассудил как региональный политик – «хочу нормальных отношений с центром».

– «Седьмой» – «Центру». «Седьмой» – «Центру». Подтвердите путь отхода медиков.

Послушав фон в трубке и шелест высокой травы, покачивающейся под небольшим ветерком, нагнавшим рябь на воду, получил ответ:

– «Седьмой», я – «Центр», курс предположительно прежний. Доложите ваше местонахождение.

– Квадрат 263, – не заглядывая в карту, ответил Клим. – Направление – 186. – И скрипнул зубами: «Выгребаем в обратную от точки эвакуации сторону».

Пауза.

– Почему не обеспечите поддержку хотя бы группой из тренировочного лагеря? Или с воздуха – вертолетом с десантом?

– Обеспечиваем, «Седьмой». Они выходят направлением юго-восток, вероятным путем банды Саидалиева. Их задача – обнаружить банду и уничтожить ее. А «вертушка» нашумит, и Саидалиев снова уйдет.

– Подтвердите приказ, «Центр». – И Клим сказал то, что говорить был не вправе. – *Боюсь, я не понял приказа.*

С момента получения приказа прошло не так много времени, и вот сейчас по радио командир разведывательно-диверсионной группы мог получить от начальства втык. «Наверху» это могут расценить так: командир экипажа старший сержант Климов все это время не думал об исполнении приказа, а лишь обсуждал его. Только за это он мог вылететь из подразделения, причем вместе с командой.

ИЗ ДНЕВНИКА АЛЕКСЕЯ БЕРЕЖНОГО

Я в спеццентре «Дельта»! Это подразделение добровольцев, куда я писал рапорта, уволившись с действительной службы в звании рядового морской пехоты. Матрос, короче. А записи начал делать лишь после трех недель пребывания в «Дельте»: за эти двадцать с небольшим дней у меня не было и двадцати минут свободного времени. Я не поверил своим глазам, когда вслед за повесткой из военкомата в комиссариате мне вручили направление на курсы спецподготовки. Я был готов расцеловать военкома... А мать только головой покачала: мол, все дружной толпой на «сенокос», а ты на второй срок... Это зайцы, говорю, «косят». А я... нет, я не волк, я – Земля, как прозвали меня в моем подразделении. А скоро могу прибавить к своему позывному – Воздух и Море. Вездеход, короче. Мать благословила своего непутевого «вездехода», поцеловав его в лоб. И я, как Жанна д'Арк, вместо того «чтобы пасти коней и жать хлеба», отправился «воевать».

В Пионерский я прибыл на два дня раньше и томился, как Серая Шейка, в гостинице: в подразделение меня не пустили – успеешь, дескать. И вообще намекнули, что нетерпеливые вроде меня, у которых свербит в заднице, первыми вылетают. Ну тут вы хрен угадали, отвечаю.

В день «икс» я сделал зарядочку, намеренно не побрился и не побрызгался дезодорантом, явился в часть заросшим и с естественным запахом. Майка с коротким рукавом открывала мои крутые – размером с туркменскую дыньку – бицепсы. Часовой проверил мои документы и отдал мне честь. То-то!

Первым делом я увидел приземистые бараки, серые от частых дождей и ветров и взятые по периметру забором из колючей проволоки. Я шел вдоль барачных по узкой дорожке, а по бетонке, проходящей рядом, двигались БТРы, военные «УАЗы» и даже мотоциклы. С ума сойти! Я, конечно, не дурак и просек, в чем тут дело. Это некое посвящение в реальность. Чтобы чувствовать себя пусть не как на войне, а в боевом резерве, что ли. Как узнал

позже, техника редела и по ночам. Казалось, вот-вот прозвучит команда занять места на броне. Привычная такая команда.

На глаза мне попался плакат: «Добро пожаловать на курс спецподготовки». Только почему-то без восклицательного знака. Именно сюда я стремился, в элиту из элит, «которая дает несравнимые возможности и преимущества перед другими элитными подразделениями», как сказал перед строем командир части, он же начальник курса. Говорил спокойным, даже слегка ленивым голосом, но каждое слово врезалось в память.

– Вы пройдете курс специальной подготовки. Десантники, морские пехотинцы, другие уже состоявшиеся профессионалы, среди которых есть и выпускники Севастопольской школы водолазов⁷, пройдут его до конца, навсегда забудут цвет беретов, с которыми они перешагнули порог военно-морской базы. Вы станете профессионалами самого высокого класса, способными выполнить любую задачу в любой точке земного шара, будь то суша, воздух или море. Вы пройдете разведывательную, общую, горную специальную, морскую подготовку, выживание в различных условиях и так далее. Запомните эту минуту, ибо спецкурс для вас уже начался.

И тут кто-то из курсантов ляпнул:

– Когда мы будем нырять?

Вперед вышел лейтенант-инструктор Евгений Беглов – долговязый и сухожилистый детина с непроницаемым взглядом карточного короля по кличке Жорж Бенгальский. Видал я таких в бригаде морской пехоты!

– Куда нырять, дубина? В собственное дерьмо будешь нырять три месяца, потом три месяца отмываться. Продолжительность жизни в нашем лагере – шесть месяцев. Кто-то не выдержит и шести часов.

И дальше в таком же духе.

Вначале был трехнедельный курс на выживание, которого нет ни в одном из спецподразделений. Но и курсанты попались крепкие – от опытных сержантов до бывалых офицеров. И когда курс не попал в процент среднестатистического отсеивания, случилось, по моему мнению, самое паршивое, чего до сих пор забыть не могу. А до этого... Вот сука! Это я про старшего инструктора. Жорж Бенгальский, обходя строй курсантов после вступительного слова начальника школы, ухватился за гвардейский значок, который я прицепил к черной курсантской робе: «Ты что, гербалайф продаешь? Снять!» Я окосел! Я ничего не ответил, у меня дар речи пропал. И вот другой момент... Поначалу я посчитал это открытым издевательством или недопониманием со стороны старшего инструктора. Я еще помнил его слова: «В этот раз что-то много курсантов на квадратный метр плаца...» И чтобы стало меньше, нас выстроили на мостках.

– Первый экипаж, шаг вперед! – скомандовал Бенгальский. Шестеро бойцов подчинились и стали на краю мостков, еще не зная, что им предстоит.

Слово взял «директор водных аттракционов» – инструктор-водолаз, похожий на бульдога мичман с редкостной фамилией Машибиц. Он зверел по любому пустяку и имел «врачебную» привычку спрашивать: «У тебя туберкулез? паркинсон? грипп?» И вообще он походил на израильского

⁷ Севастопольская школа водолазов является единственной в Военно-морском флоте России.

коммандос: черные глазищи навывкате, рубильник, как у сайгака, губище, как у обиженного Буратино. А его грудной клетке и волосатым ручищам позавидовал бы сам Кинг-Конг.

– Через десять минут один из вас будет ненавидеть природу за то, что она сделала с ним. Под вами, – «директор» топнул ботинком в доску, – на дне, пять аквалангов. Надеть их на шесть рыл невозможно физически. На нервной почве – да. Тот, кому не достанется дыхательного аппарата, сегодня же отправится домой. Итак, девочки и мальчики, по моей команде... Начали!

Караул, что тут началось! Даже гиены не способны грызться с такой ожесточенностью. Бедолаги автоматически действовали по принципу выбора места в вагоне, когда первые выбирают пустые купе, вторые там, где осталось больше места, и так далее... По принципу «выживает сильнейший». Точнее, гнуснейший. Самая отчаянная схватка выпала на долю двух последних курсантов. Один, сумев надеть оставшийся акваланг, выбирался на мостки, другой тащил его в воду. Он душил его, выламывал руки. Буквально впивался в горло товарищу, который вдруг превратился в злейшего врага. Потом роли поменялись... И так до тех пор, пока «директор водных аттракционов» сам не определил победителя. Побезденному же Машицц пренебрежительно бросил:

– В следующий раз просто сходи в баню. Следующему экипажу приготовиться! Пошли! Пошли! У вас что, корпоративный геморрой?.. Следующий!.. Домой – тебя родители обыскались... Пошли!

Тут стоит сказать, что за неделю до «водных аттракционов» я попал в экипаж Сереги Климова. С этими парнями я не опасаясь удара в спину. А дело в том, что Ромка Трегубов сломал руку, сорвавшись с трассовой горки. Его, разумеется, отчислили (слушатели в спеццентре не нужны), и я занял его место.

И вот Климу, как он ни боролся, акваланга не досталось, и он вылетал из обоймы. Но тут случилось то, чего не ожидал никто, ни курсанты, ни бывалые инструкторы. И сам я ничего такого не ожидал от себя. Я стоял на мостках в акваланге – за него я чуть пасть не порвал товарищу – и вдруг... прыгнул в воду. Короче, я отдал кислородный аппарат своему командиру – Сереге Климову. А про себя подумал: «Вот и все, Вездеход, это твоя конечная остановка». И вдруг слышу, как Жорж Бенгальский гнусавит с мостков:

– Ты проиграл.

– Ни фига, – отозвался я из воды.

Выбрался и пошел было собирать свои вещички. Но вернулся. И сказал Бенгальскому все, что о нем думаю. На прощанье. Заодно, думаю, за свой гвардейский значок расквитаюсь.

– Ты, – говорю, – Жорж, слабоумный – коли не способен понять простых вещей. Не думаю, что моего ума хватит на нас обоих. Для этого у тебя черепная коробка маловата.

И пошел собирать свои манатки. Но, как оказалось, рановато.

Вечером я наведалься в кабинет инструктора, называемый «исповедальней».

– Товарищ старший лейтенант! – кричу. – Почему...

Беглов перебил меня, махнув своей волосатой ручищей:

– ...всех, кому не досталось аквалангов, отчислили, а тебя нет? Ты у нас особенный, – не глядя на меня бросил инструктор. – Считай, я проникся твоей пламенной речью.

Беглов, слышал я, дохаживал в своей должности последние дни. Он давно написал рапорт, но начальник базы Артур Паникян не подписывал его, пока старшему инструктору не найдут замены.

– В натуре? – сощурился я (недобро так сощурился). – Хочешь сказать: его обрезать – и он наш? Только я не хочу быть дебилом, который будет пробовать твою жратву на отраву.

– Захлопни пасть! – заорал на меня Бенгальский. – Если есть желание добровольно покинуть центр, то тебя никто не держит. Свободен.

Странно было видеть едва заметную улыбку и подобревшие глаза на лице этой бездушной машины. Только эта – хоть и запоздалая – улыбка и позволила мне позволить себе остаться на военно-морской базе.

Бойцы уже прошли курс на выживание, питаюсь, по определению Земли, как фотомодели, а впереди несколько месяцев специальных дисциплин и... возможность побаловать себя в «центральном» кафе кружечкой-другой пивка.

Вот впереди Клим Леша Бережной. Идет и слышит скрип зубов командира:

– Ну если я увижу в стане медиков хоть одно знакомое лицо!.. – Сделав неосторожный шаг, Клим по плечи провалился в вонючую промоину. Держась за автоматный ремень Аденина, выбрался и в очередной раз выругался: – Я их всех, тварей, здесь сгною!

Спецназовцы шли курсом на юг, чутко вслушиваясь в звуки Каспия – шипяще-ворчливые, готовые, как и Сергей Климов, сорваться набежавшим ветерком на вонючую – с примесью тины, гнилой рыбы и соляра – воду. Вечернее солнце припекало непокрытые головы спецназовцев, каждый из которых в свое время прошел службу в армии, повоевал в «горячих точках».

Эфир тронул Клима за плечо:

– Командир, о погоне не забывай.

«А он прав», – подумал Сергей. Успокоившийся окончательно. И вслух добавил:

– Нам надо не проиграть, братва. Что бы там ни приготовили штабные лисы.

Самые натянутые отношения у командира группы были с сержантом Василием Серегиным – снайпером, сослуживцем Клима. Хотя в группе он находился рядом с командиром и действовал как наблюдатель. Они почти не разговаривали. Сейчас «винторез» снайпера, обмотанный лохмотьями, казался трофейным автоматом времен Великой Отечественной (как и та пушка, попавшая в кадр), пролежавшим в тине по меньшей мере полста лет. Но работал безотказно.

И еще три человека – сержанты Леонид Гардин и Михаил Михайлов и рядовой Юрий Аденин.

Из вооружения – «бесшумки», пистолеты, гранаты, ножи. Из спецоборудования – фотоаппарат в защитной оболочке, навигаторы и радиостанция, пристроившаяся за плечами рыжеватого Эфира и принесящая столько хлопот и отнявшая столько же нервов.

Клим отослал Бережного и Аденина вперед, а сам с неполной командой двинулся следом, фиксируя стволом автомата любой подозрительный предмет: будь то закачавшийся камыш, подавшаяся от берега коряга или закачавшийся под легким ветерком куст. Гниловатая вода противно хлюпала в набухших непромокаемых (непромокаемых – вот в чем подлость!) ботинках. Облегченные разгрузки словно были сделаны из свинца. Все-таки напряженный поход сделал свое дело.

Не прошло и пяти минут, как командир услышал условный сигнал Бережного.

«Ну сейчас все и прояснится», – с новой силой занервничал Клим.

Прояснилось все довольно скоро. Затаившись и глядя через «окно» в камыше, Сергей Климов увидел в бинокль группу людей. Незнакомых людей. И сколько он ни всматривался в оптику, в изможденных лицах не увидел ни одной знакомой черты.

Старший сержант Климов, воюя в Чечне, знал, как выглядят люди, прошедшие в чеченском плену немало времени. И сейчас память отогнала прочь все сомнения: перед ним действительно находились бывшие пленные, ежесекундно чувствующие за своей спиной азартную погоню боевиков, небольшим отрядом проникших в Дагестан.

Они были без оружия, и Клим неслышной тенью камышовой кошки неожиданно вырос в пяти шагах от первого и взял автомат на изготовку. Позади и сбоку бежавших россиян взяли в кольцо остальные спецназовцы: грязные, небритые, со свирепыми лицами, посеченными осокой, и вооруженные до зубов.

Сергей с первого взгляда определил старшего. И тут же задался другими вопросами: сколько же времени они провели в плену? сколько не ели? сколько мотались по болотистой местности?

Два человека в изодранной одежде поддерживали друг друга, двое других помогали устоять на ногах женщинам-медсестрам.

– Майор медслужбы Олег Алексеенко, – хриплым голосом представился старший, безмерно усталым взглядом оглядывая русских спецов; на его губах застыла мученическая улыбка. – Надо спешить, ребята, за нами погоня. Человек десять-пятнадцать.

– Раненые есть? – спросил Клим, подходя ближе и опуская автомат.

– Медсестра и ассистент. – Алексеенко кивнул в сторону коллег. – Первая помощь им оказана, остальное – когда доберемся до дома.

Окровавленные и намокшие повязки медработников говорили сами за себя.

И снова сомнения, будь они не ладны, овладели Климом. Как выполнить приказ, не нарушая его?.. Перед ним русские, соплеменники, чудом выбравшиеся из плена. А эвакуировать приказано одного майора.

Чертовщина какая-то.

– Давай связь! – снова потребовал Клим, отойдя с радистом в сторону и отдав команду трем бойцам, включая снайпера, взять под контроль ту сторону, откуда пришли медики. – «Седьмой» – «Центру», «Седьмой» – «Центру». Как слышишь?

– Слышу тебя, «Седьмой».

– У меня пять раненых, «Центр», – чуть преувеличил Клим, докладывая в штаб. Хотя впопугу всех медиков считать ранеными.

– Оставляй их на месте и выходи к точке эвакуации. Ты должен забрать только майора. Выполняй приказ. «Седьмому» отбой.

Дальнейшие разговоры с базой вели в тупик.

– Что будем делать, командир? – спросил Эфир, принимая от командира трубку. – Что сказали в центре?

– А то ты не знаешь. – Вот сейчас у Клима появилась более или менее рабочая версия. Большую часть медиков оставляют здесь в качестве живцов. Чтобы и в дальнейшем они продолжали оставлять следы; а наследили они порядочно, словно стадо бегемотов.

Более или менее...

Земля, держа руки на автомате и поигрывая крепкими бицепсами, внес еще большую сумятицу:

– Да херня все это! У штабных длинные удочки, вот и закидывают. Это для «зеленых беретов» головоломка, Клим. Незрелого цвета не различаешь? Ты же у нас команданте! Че Гевара, блин! Прикинь, ну? Да у них столько закидонов, что хоть ушами наворачивай.

Клим выдержал паузу.

– *Мы не можем бросить их здесь, ясно?* – Он подозвал Михайлова и Василия Серегина. – Мелкий, Серьга – в головное охранение. Лекарей в центр колонны. Идти будем быстро.

И увидел на лицах бойцов смесь радости и порицания. Их глаза словно говорили: «Ты сделал человеческий выбор, но нарушил приказ».

– Может быть, – угадал Клим их мысли. – Но я отвечаю за него. *У меня есть ответ.*

И снова стволы автоматов фиксируют подозрительные предметы. Спецназовцы идут, чуть пригнувшись и склонив голову к оружию. Бережной замыкает группу. Фактически он пятится. С одной стороны, ему легче – он идет по проторенной дорожке. Панама откинута на спину, зеленоватый ремешок слегка давит на горло. Бандана повязана вокруг головы на манер повязки, над бритой макушкой мечутся слепни. Боец чутко вслушивается, процеживая через сито инстинкта природные звуки.

Пока ничего лишнего...

Скрываясь в зарослях, Клим смотрел на работу команды, которая готовила лодку, вмещающую всего шесть-семь человек. К нему подполз – неумело, как речная черепаха – майор Алексеенко.

– Все не уместится, – заметил военврач, расчесывая заросшую щеку.

– На борт сядет водитель и вы всей командой, – пояснил Сергей. – Лодка доставит вас на катер обеспечения, а потом вернется за нами. А я пока доложу в штаб и вызову подкрепление.

Майор кивнул и невольно посмотрел в ту сторону, откуда ожидалась погоня.

– Продержимся, – обнадежил его Клим. – С северо-запада идут два экипажа. – «Как на войне!» – выругался командир группы.

Когда лодка была готова отчалить, старший сержант распорядился, обнажив пистолет:

– Давай, майор, пошел в лодку! Пошел, пошел! – поторопил он его резким голосом. – Только без шума, ясно? И не гадай: из ГРУ мы, ФСБ или *просто полное дерьмо*. – И еще один приказ, на этот раз своим бойцам: – Остальных берите под прицел и отходите к лодке. Если кто-то сделает шаг навстречу, стреляйте без предупреждения.

С точки зрения тактики, Клим сделал все правильно: довел до точки эвакуации всех медиков. А если бы открылся сразу, то на протяжении всего нелегкого пути делал бы двойную работу: понукал майора и отгонял его коллег.

Сержант старался не смотреть на бежавших из плена людей, которых он бросал в этом глухом и необъятном краю, наверняка оставляя на смерть, но верх взял приказ, полученный из штаба. И все же, находясь уже в лодке, Клим бросил взгляд на медсестру, которая едва держалась на ногах, на ее распухшую от ранения руку, на ее болезненное, серое, ничего не понимающее лицо. Она, покачиваясь, сделала шаг к лодке с работающим мотором, когда через борт перешагнул майор, подталкиваемый в спину автоматом.

– Назад! – осадил Клим, направляя в ее сторону ствол «вала».

Медичка остановилась как вкопанная, еще сильнее прижимая руку к туловищу. Ее голос был болезненным, но достаточно громким, чтобы его услышали в лодке:

– Спасашь свою шкуру?

Клим не ответил. Он низко пригнулся к борту, взявшись за леер, и лодка, набрав скорость, быстро скрылась за излучиной.

Ассистент подошел к медсестре и бодрым голосом сказал:

– А они ничего. Из них выйдет хорошая команда. Я бы сказал: она уже состоялась.

– Как и наша труппа, – ответила медсестра. – Лично я готова к очередным гастролям. В воду полетела повязка, рука под которой оказалась абсолютно здоровой.

ГЛАВА 3

БОМБА С ЗАМЕДЛИТЕЛЕМ

*Северный Дагестан, поселок Пионерский,
военно-морская база «Дельта»,
30 июня, понедельник*

Капитан Олег Колчин рассадил девять экипажей в трех классах. Вначале он зашел в аудиторию «А», которую чаще называли «Анной» (по таблице слогов), и вторично усадил вскочивших на ноги великовозрастных бритоголовых курсантов; их в «Аннушке» набралось ровно восемнадцать человек. Из папки капитан достал портрет человека средних лет и прикрепил его к доске, поверх которой шли две крупные надписи:

ПОБЕДЫ ОКРЫЛЯЮТ, ПОРАЖЕНИЯ УЧАТ.
ДУМАТЬ, НО НЕ МЕДЛИТЬ, СОМНЕВАТЬСЯ,
НО НЕ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ.

На самой доске осталась плохо стертая надпись, сделанная кем-то из курсантов: «Зато мы делаем ра-кеты».

Став в середине класса, капитан-инструктор дождался идеальной тишины и приступил к очередному занятию.

– Перед вами портрет человека, – начал он ровным монотонным и по случаю лишенным эмоций голосом. – Он русский. Несколько лет работал на английскую разведку. В 1976 году был разоблачен сотрудниками советской контрразведки, позже осужден и расстрелян. Внимательно взгляните в него, в каждую черту его лица. Спросите себя, что вы чувствуете в целом. Затем опишите на бумаге – не менее полутора тысяч знаков, – что настораживает вас в его облике, на что в первую очередь вы обратили внимание. Или обратили бы внимание. Вопросы?

Вопросов не было, и психолог перешел в аудиторию «Б». Повесив на доске копию того портрета, Колчин взял все тот же бесстрастный тон.

– Перед вами портрет человека. Он англичанин. Несколько лет работал на советскую разведку. Отмечен высокими наградами советского правительства. Внимательно взгляните в него... Вопросы?

– Не сейчас, – по привычке дерзнул офицеру Бережной.

Олег хмыкнул и, отметив время, предупредил:

– Не менее двух страниц вашим убористым. Начали.

Аудитория «В».

– Перед вами портрет человека. Два варианта: он может быть либо советским, либо английским разведчиком. Внимательно взгляните в него...

В данное время психолог Олег Колчин выступал в привычном для себя качестве *субъекта нейролингвистического воздействия* (инструктора) на сознание курсантов, меняя их мотивацию специально подобранной программой, известной еще с советских времен. Следующий этап – это реальная помощь сопротивляться навязываемому мнению и построению собственной, возможно, истинной точки зрения.

Может быть, в связи с этим взгляд его надолго задержался на командире седьмой лодки Климове. Экипажу Клима дали отдохнуть два дня, и вот они всем составом корпят над очередным «изошренным» заданием психолога.

Капитан Олег Колчин встречал группу Климова на пирсе военно-морской базы. Солнце стояло в зените, с востока тянул легкий бриз, гоня перед собой стадо белокурых

облаков. По виду старшего сержанта, по нарочито размашистым движениям капитан заключил, что обвинительных речей в свой адрес не услышит. Точнее, упреков. Такое в его шестилетней практике встречалось крайне редко. Бывает, конечно, вспылит по незнанию какой-нибудь курсант. А когда растолкуешь ему, что и как, что приказ – дело святое, а кроме приказа, существуют всевозможные провокации со стороны противника, расплзется как опара на сковородке, принимая желательную и окончательную форму.

Вообще эта операция была подготовлена лично Колчиным и одобрена гримасой начальника курса. Цель ее – учиться выполнять приказ в любом случае, какие бы сомнения в нем ни присутствовали. Капитан и в качестве медиков привлек военнослужащих из воинской части, дислоцированной в Кизляре, и на протяжении недели на политзанятиях говорил о похищении бригады медиков.

Дав курсантам полтора часа, Колчин объединил их в одной аудитории и выбрал из стопки письменных работ две.

– Рядовой Бережной!

– Я! – встал с места Земля.

– Подойдите ко мне. Сержант Самохвалов!

– Я! – отозвался Самоха – курносый кареглазый курсант.

– Ко мне.

Бережной описывал «врага народа», Самохвалов – русского разведчика.

Колчин зачитал отрывок из работы Самохвалова.

– «Глаза добрые. Особенно лучинки в уголках – как у Ленина. Сразу чувствуется – наш человек».

Земля выпучил на Самоху отнюдь не «добрые» глаза: «Предатель и шпион наш человек?!» И чуть ли не вскинул руки: «Да я тебя!..»

А психолог к тому времени перешел к работе Бережного, найдя место про те же глаза.

– «...с неприятным прищуром, в целом взгляд отталкивающий». Как видим, про Ленина здесь не сказано, – улыбнулся Колчин. – Может, хотите что-то добавить? – спросил он Бережного.

– Ага. Ленин, как и я, – фигура трагическая: он все понял, но было поздно.

– Садитесь. – Капитан отпустил курсантов. – Сейчас я вам объясню, как можно менять сознание человека, его мотивацию. Как распознать, когда тебя вводят в заблуждение...

– И как с этим бороться, – вставил неугомонный Бережной, действительно начиная кое-что соображать.

– Вот именно. Как сравнивать реальное с желаемым и какие внутренние ресурсы мобилизовать. Прошу отнестись к этому вопросу с полной ответственностью. Данная дисциплина не последняя в работе бойца спецгруппы, чаще всего действующего на территории врага и нередко в одиночку. Позже поговорим про психотронное – экстрасенсорное – воздействие на других людей.

К капитану Колчину курсанты относились уважительно. Наверное, он был единственным в центре, кто обращался к ним на «вы». С одной стороны, он выглядел мягкотелым, таким ученым червем, хотя все знали, что, например, в рукопашном бою Колчин даст фору любому курсанту. То же относилось и к работе с холодным и огнестрельным оружием.

Да и остальные инструкторы не были монстрами, просто работа у них такая.

1 июля, вторник

Мичман Леонид Машбиц пребывал в привычном для курсантов настроении. Однако сейчас он не играл перед подопечными роли зверюги, а психовал (со стороны казалось – излишне) по делу: оборудование для получения газовых смесей для дыхательных аппаратов (весьма серьезное техническое оснащение) вышло из строя. И вот, как в сказке, сошлись

«директор водных аттракционов» Машбиц и «настоятель храма вооружений» Грищенко, или Дрищенко, как называли его курсанты. Грищенко отвечал за техническое оснащение, Машбиц – за подготовку боевых пловцов. И если один был похож на бульдога с соответствующей хваткой, то другой – на корову: глаза грустные и навывкате. «Излишек йода в организме, – гонял желваки Машбиц, глядя на коллегу с периферийным, как у мухи-дрозофилы, зрением. – Много рыбы жрет».

– У группы Самохвалова сегодня погружение. Заправляй аппараты! – орал мичман на всю базу.

– Чем?

– Хоть чем! Хоть штуцером своим!

Грищенко рассмеялся. «Как дурак, – заметил нервничающий Машбиц. – Кем он и является на самом деле. Тут такое ответственное дело, а он...»

Мичман дал коллеге полчаса и велел команде Самохи готовиться к погружению.

Грищенко долго смотрел вслед Машбицу, потом взял с собой курсанта и поднял со склада полупустой баллон с газовой смесью. Эксплуатационный срок, значившийся на бирке (применить до 10 сентября 1997 года), давно прошел. Максимум через час вышедшее из строя оборудование будет налажено, смесь для следующей группы – сержанта Климова – готова.

Через полчаса семь дыхательных аппаратов были заправлены и отнесены на мостки, где, облаченная в гидрокостюмы, стояла шестерка сержанта Самохвалова. Леонид Машбиц, отправляющийся вместе с группой под воду, отдавал последние инструкции. Он говорил о дополнительном риске, который существует «в переходной зоне, когда происходит частое переключение режимов работы и смена составов дыхательной смеси». Это, конечно, не воздушно-баллонные аппараты, в которых используется воздух под давлением в 150–200 атмосфер и с которыми курсанты не раз погружались. В комбинированных аппаратах используется смесь азота и кислорода в иной, чем в земной атмосфере, пропорции, что позволяет избежать «глубинного опьянения» вследствие избытка азота.

Наставления мичмана были нервными.

– Не запьянейте там! – сверкал он глазами на курсантов, уже надевших на спину дыхательные аппараты. – И не курить, ясно? – Он подмигнул.

– Так точь!..

О мостки терлись бортами две каркасные лодки «НЛ-8», состоящие на вооружении боевых пловцов России. Одна возьмет на борт группу курсантов, другая будет сопровождать ее в качестве спасательного, или подстраховочного, судна. Идти от базы недалеко – порядка трех кабельтовых (чуть больше полкилометра), доплунуть можно. В том месте на дне покоился затонувший в 50-х рыбацкий сейнер. Хороший объект для изучения, маневрирования в помещениях, затопленных водой, эвакуации «раненого» боевого пловца группой, ведения подводного ножевого боя и прочего.

Инструктор Машбиц обучал курсантов по неписаному правилу: «Если ты не прыгал с парашютом, то у тебя есть полчаса на подготовку». По такому принципу учат детей плавать: бросают в воду, а там выбирайся как хочешь. Такая тактика почти никогда не давала сбоев. Однако погружение с аквалангом – далеко не игрушки: прежде чем надеть на себя дыхательный аппарат и погрузиться с ним под воду, курсанты проводят в классах немало времени; главное – теория.

Лодки вышли в район учений. Вода мутноватая, но это хорошо: «Чем хуже погода, чем темнее под водой и на поверхности, тем больше у боевых пловцов шансов успешно выполнить задание».

Снаряжение «облегченное»: подводные часы, наручные пневматические глубиномеры, компасы, подводные фонарики, приборы звукоподводной связи (станции «МГВ-6В», вмон-

тированные в корпус дыхательных аппаратов). Из вооружения – универсальный водолазный нож типа «атак».

Лодки покачивало, ветерок забрасывал брызги через борт, настроение у мичмана стало выравниваться, как давление в дыхательных аппаратах, глаза подобрели.

– Ну что, подводный десант, нырнем? Кто там у нас хотел нырнуть поглубже, Гусейнов, что ли? Работаем, работаем, ребята!

Когда мичман взял в свою с неправильным прикусом «пасть» загубник, он и вовсе стал похож на подопытного бульдога: изо рта тянулись за спину гофрированные шланги, клапан маски виделся продолжением носа...

Бойцы уходили под воду парами. «Директор водных аттракционов» погрузился последним. Как Терминатор: секунду-другую над водой виднелась его рука с поднятым большим пальцем...

Капитан Колчин проводил в аудитории занятия. За столами «Аннушки» расположились три группы, включая климовскую. Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге вырос Сергей Юрмин, инструктор по огневой подготовке. Он махнул рукой, что поджидает психолога в коридоре. Когда Олег вышел, Юрмин, белый как полотно, еле выговорил:

– Пошли, Олег. Паникян вызывает.

– У меня занятия...

– А у нас ЧП! – перебил его инструктор. И набрал в грудь побольше воздуха. – Группа Самохвалова погибла.

– Как погибла? – ошолбенел Колчин.

– Вот так, – мелко дрожали губы Юрмина. – Вместе с Машбицом. Семь человек. Задохнулись, видимо. Чуешь, куда дело идет?

Колчин машинально кивнул: да.

Дело шло в далекое прошлое.

Две «Скорые», наддавая сиренами, выехали за пределы военно-морской базы. До городской больницы было пять минут ходу. Водители, нарушая инструкции, ехали на предельной скорости, подгоняемые врачами: «Скорее, скорее!» Спецназовцы вповалку лежали в неотложках: трое в одной машине, четверо в другой. Обескровленные лица, заостренные носы, закрытые глаза... Лежали абсолютно голые: гидрокостюмы с них сняли сразу же после того, как вытащили из воды. Военврач центра Елена Егорова держала Машбица за руку.

– Ну? – спросил ее врач «Скорой».

Она покачала головой:

– Пульса нет...

Офицеры и курсанты провожали неотложки, выйдя за ворота подразделения. Рядом с Олегом Колчиным стояла его жена. Она плакала и бросала отрывистые фразы:

– Меня даже не подпустили к ним. Почему, Олег? Мне не доверяют? Я же медсестра. Из-за того, что я недавно здесь работаю?

– Успокойся, Ира, все будет хорошо.

– Нет, хорошо уже никогда не будет.

Тяжело на душе, больно. Но отчего-то вдруг перед глазами снова возник образ сержанта Романа Трегубова. Когда он сломал руку, первую помощь ему оказывали в санчасти, а потом отправили в городскую больницу; направлять его в Астрахань – в военно-морской госпиталь – необходимости не было. Ирина Колчина, едва взглянув на травмированного курсанта, ощутила в груди тревогу. Несомненно, она где-то видела Романа. Но где? И как отыскать в памяти среди сотен и сотен военнослужащих, которым Ирина оказывала медицин-

скую помощь, находясь в Дагестане и Чечне, одного человека? Но главное – почему Роман вызвал в ее душе тревогу?

Что-то темное скрывалось в его глазах, в которые она однажды заглянула. У нее была хорошая память на лица, однако образ Трегубова ускользал, словно она видела его либо мельком, либо... только часть его лица.

Часть лица...

Ерунда какая-то.

Хотя нет, не ерунда. Он мог быть ранен в голову, и повязка могла скрывать лоб, щеку. Курсанты в центре были стрижены коротко, и Ирина не заметила даже небольшого шрама. Такие детали вспомнились, а вот основное – нет.

Поделиться своими сомнениями с Олегом? Да и сомнениями их не назовешь, так – колебания, вызывающие смутные опасения.

Трагедия с группой Самохвалова должна бы погасить все страхи – какие-то детские, поскольку объяснения им не находилось. Тем не менее Ирина в мыслях пошла дальше... подчиняясь непонятной логике внутреннего чутья, шла по едва приметной тропе, ведущей от мрачного взгляда Романа Трегубова к гибели курсантов. *Что-то связывало его с этой трагедией...*

Сейчас он далеко, на родине, в Новосибирске, но даже с такого расстояния заставляет ее думать о нем.

Он далеко, но словно осталась в центре часть его. Та часть, которая не давала девушке покоя.

Он далеко, однако ответ где-то близко. Пусть неполный, но он здесь, на военно-морской базе «Дельта».

Она посмотрела на мужа. Рассказать?.. Нет, не сейчас. Олег острее других воспринимает несчастье, потому согласится на определение жены: детские страхи. И с точки зрения психолога объяснит их происхождение. Он знает и любит свою работу.

ИЗ ДНЕВНИКА АЛЕКСЕЯ БЕРЕЖНОГО

1 июля 2003 года. Этот день стал самым черным в моей жизни. Хочу что-то написать, но не получается. Тупо смотрю на цифры и тасую их. Год 2003-й. Если выбросить из него нули, то получится 23. Двадцать три года – именно столько стукнуло мне в январе. Складываю все цифры – получается шесть. Шесть бойцов погибло сегодня. Месяц июль – седьмой по счету. Седьмой по счету – это мичман Машибиц. Я перечитал то, что написал о нем раньше... «Машибиц зверел по любому пустяку... Похож на израильского коммандос». Нет, стыдно не стало. Стало грустно.

Ближе к вечеру наведалься в санчасть, чтобы задать капитану Егоровой один-единственный вопрос: «Ну как там?» И кивнуть на окно – подразумевая то ли небо, то ли городскую больницу.

Я подждал Егорову вместе с Иркой Колчиной. Симпатичная медсестренка, только бледноватая. Егорова вернулась из города уставшая, осунувшаяся. Налила в мензурку спирта, глянула на меня и спросила: «Будешь?» Я кивнул. Сегодня день такой. Сегодня все можно. Мы молча выпили. «Ты чего пришел?» – спрашивает. А я боюсь задать свой вопрос, потому что знаю ответ. Я подглядываю, как в шпаргалку, в темные глаза военврача и читаю все, что в них написано. «Да вот, – начинаю врать, – вчера жарили картошку на свином сале, рыбу – на подсолнечном масле. Короче, смешали сало, рыбий жир и...» Егорова слабо улыбнулась: «А машинное масло не добавляли?» Ирка смекнула, в чем дело, и предложила дать мне две таблетки фестала. Егорова нашла более радикальное

средство от «ямы желудка»: пол-ложки чайной соды. Куда деваться? Я бы принял и половник каустиковой... Потоптался, как медведь, с ноги на ногу у двери и спрашиваю: «А как там?» И киваю на зашторенное окно. Егорова покачала головой: «Никак...» Я опустил глаза. А Ирка перекрестилась. Егорова посмотрела на нее с укором: «Ну когда я отучу тебя от твоих церковных замашек? Ну нельзя же так, Ира! Ты как капеллан, ей-богу! Иди домой. И ты иди, Леша».

День выдался бесконечно длинным и невероятно трудным. В голове шумело и от спирта, и от пережитого. Но сон не шел. И я по обыкновению взялся за авторучку... И никто сегодня меня не подковырнул надоевшим вопросом: «Чего ты там корябаешь?» Поначалу я отвечал, что составляю кулинарные рецепты (когда голодный, на ум, кроме жратвы, ничего не идет), потом сказал, что пишу стихи.

Никто не поверил.

ГЛАВА 4

ОТСУТСТВИЕ АДРЕНАЛИНА

Москва, штаб-квартира ГРУ, 4 июля, пятница

Недавно отремонтированный кабинет Михаила Артемова не отличался размерами, но в нем он чувствовал себя совсем не стесненно, как в маленьком, но все же своем мирке. Михаил Васильевич проявил некое самоволие: как и в кабинете начальника ГРУ, и у него на стенах были вывешены в ряд фотопортреты всех руководителей советской и российской военной разведки; над рабочим столом красовались три символа: Российского государства, Вооруженных сил и армейской разведки; последний, расположенный ближе к окну, выходящему в «полежаевские» переулки, «бликовал», отчего символика ГРУ виделась стилизованным пятилистником с григорьевским крестом по центру. На столике, слева от рабочего «верстака», стояла пара обычных телефонных аппаратов.

Гость Михаила Артемова сидел напротив хозяина кабинета и между портретами Сергея Матвеевича Штеменко и Михаила Алексеевича Шалина – прежними руководителями военной разведки. Штеменко прослужил на высоком посту с 1956-го по 1957 год и дослужился до начальника Штаба Объединенных вооруженных сил стран Варшавского договора, Шалин – с 1957-го по 1958-й и спустя четыре года вышел в отставку. Гостя звали Владимиром Тульчинским. В данное время Артемов читал досье на этого человека, читал уже в который раз, знакомясь с ним как бы и визуально, бросал из-под очков пытливые взгляды. Он уже давно знал, что Тульчинский в свое время окончил Каспийскую мореходку, прошел спецкурсы по подготовке боевых пловцов. В 1997 году – инструктор спеццентра морского спецназа «Дельта». С апреля 1998 года – «свободный» агент ГРУ (агентурный псевдоним «Влад»). Но (небольшая деталь) ведомство военно-морской разведки его к работе привлекало не часто.

Женат. Имеет приемную дочь. Отец – Юрий Юльевич Тульчинский, подполковник Службы внешней разведки (скончался в 1995 году от сердечного приступа). Мать – Татьяна Ивановна Тульчинская, пенсионерка, бывшая библиограф «Ленинки».

– По какой причине вы уволились из «Дельты» до смены ее приоритета? – наконец спросил Артемов, оторвавшись от бумаг. – Я имею в виду 1997 год, – пояснил он, снимая очки.

– Перевели приказом, – ответил Тульчинский. Сегодня он встал по звонку из «Аквариума» и услышал в трубке деловой женский голос, назвавший его по имени-отчеству: ему предложили прибыть на Полежаевскую, 76 в 12 часов. Сорок минут назад в неприметном КПП «Аквариума» часовой проверил его удостоверение и вызвал сопровождающего. В центральное здание, ранее предназначавшееся для госпиталя, вели каменные ступени. В самом здании был довольно просторный вестибюль с мемориалом героев военной разведки, длинные коридоры. В приемной Артемова – а точнее, в смежной комнате кабинета полковника – он наткнулся на пронизательный взор секретарши. Она звонила, заключил Влад.

Следующий вопрос полковник Артемов задал, как показалось Тульчинскому, в лоб:

– Где вы были 1 июля?

– Этого года?

– Разумеется.

Владу незачем было морщить лоб и вспоминать: он морщил его, когда собирался в штаб-квартиру ГРУ и буквально перешагивал через не распакованные еще сумки и чемо-

даны, слушал ворчливый голос жены, стоял в очереди в туалет, который заняла его приемная дочь, вставшая раньше секретарши Артемова.

Голос Влада прозвучал с неприкрытым сарказмом:

– В Сочи. Отдыхал с семьей. Гостиница «Славянская». Номер комнаты 302.

Об этом знал и сам полковник. «Алиби» Тульчинского намеренно проверялось оперативными работниками ГРУ. Сам Артемов в это время «метался», находясь на грани нервного срыва, между военно-морским госпиталем в Астрахани и спеццентром «Дельта».

– К чему эти вопросы? – искренне удивился Тульчинский. Он был подстрижен ровно и коротко, скорее фирменной машинкой с регуляторами для длины волос, выбрит гладко. Черные брови бывшего боевого пловца сошлись к переносице, сильные пальцы нервно хрустнули – еще больше ему не понравилась повисшая в кабинете пауза. Руководители советской разведки смотрели на него с портретов строго, подозрительно. Каждый подозревал, как и положено, анализировал сказанные этим «мелким» гостем слова, сопоставляя их с его же внешними данными. Хотя бы с его суровыми чертами лица, «раскачать» которые было делом сложным. Тульчинский прошел не одну хорошую школу, был закален не в одной боевой операции. А еще он был «выездным» агентом: три работы «по контракту» за границей. Имена тех, кого он устранил, Артемова мало интересовали. Однако он досконально изучил легенды, под которыми работал агент, его стиль, выявил кое-какие интересные моменты.

Тульчинский был выдержан и не стал повторять свой вопрос.

Нарушил молчание Артемов:

– Я хочу напомнить вам год 1997-й, когда вы работали инструктором в спеццентре «Дельта». События, которые пришлось на конец августа. Тогда, если помните, погибла группа курсантов в количестве шести человек.

«Дела давно минувших дней», – в первую очередь подумал Тульчинский. Но сердце в груди екнуло. Он просто кивнул: «Да, я помню».

– Это дело тогда замяли, – продолжил Артемов, разрешив собеседнику закурить и пододвинув к нему пепельницу. – Так и не удалось выяснить истинных причин трагедии.

– То есть, если я правильно понял, – пыхнул дымом «Кента» Тульчинский, – сейчас вы решили довести его до конца?

– И это тоже, – непонятно ответил старший офицер, в очередной раз выдерживая паузу. – Дело в том, Владимир Юрьевич, что в то время, когда вы отдыхали в Сочи, трагедия повторилась с поразительной точностью. При невыясненных обстоятельствах в центре спецподготовки погибла еще одна группа боевых пловцов. Шесть курсантов и инструктор.

Этим заявлением Артемов сумел «раскачать» неподвижные черты собеседника, даже изменить цвет его лица. Красивый и ровный сочинский загар сдуло словно порывом ветра, под ним обнажилась белая, как погребальный саван, кожа, которая в конце метаморфоз словно пропиталась сукровицей. Тульчинский сидел перед старшим офицером с порозовевшим лицом и чуть подрагивающими руками.

– Как это... п-погибла? – заикаясь, спросил он. Ему казалось, что та неприятная история, случившаяся буквально у него на глазах, закончилась пять... нет, уже шесть лет назад. Он пережил несколько тревожных дней и несколько месяцев переживал их последствия. Он вскакивал по ночам с выпученными глазами и мокрым от мерзкого липкого пота; отпугивал кошмарные видения куревом, спиртным, но они лишь меняли очертания на менее четкие, однако снова обострялись на следующую ночь. И сам он походил на тех несчастных погибших пловцов: синее лицо с солеными капельками, непослушные, уже начинающие коченеть руки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.